

Климкин С.И.

*ведущий научный сотрудник Института законодательства РК,
профессор Академии юриспруденции - Высшей школы права «Эділет», к. ю. н.*

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ПОНЯТИЙ «МОРАЛЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»

*Иногда важнее
поставить (обозначить) проблему,
чем предложить ее решение*

Настоящий материал посвящен краткому анализу вопроса о соотношении норм законодательства и морали и нравственности.

Вопрос нами ставится прямо: может ли правовая норма быть аморальной и всегда ли закон нравственен, и что в отдельных случаях важнее?

В одной из своих недавних и, к сожалению, одной из последних из опубликованных работ О.С. Иоффе пишет: «противоправное всегда противонравственно, однако, противонравственное не всегда противоправно»¹. И хотя первая часть приведенного утверждения нам представляется излишне категоричной (на примере известных декабрьских событий 1986 г., когда они действующим на тот момент законодательством были расценены как противоправные, однако поддержаны и одобрены с моральной точки зрения), считаем, что высказанная позиция заслуживает более глубокого рассмотрения. На примере кабальных сделок попытаемся развить эту мысль.

Согласно п. 10 ст. 159 ГК РК, кабальной признается сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась.

Проиллюстрируем на примере. Представим, что мужчина попал в аварию и ему очень срочно требуется дорогостоящая операция. Супруга обращается за материальной помощью к своей подруге, которая согласна предоставить заем, но за очень высокое вознаграждение. Налицо все признаки кабальной сделки:

- заемщик вынужден заключить эту сделку вследствие тяжелых обстоятельств, поскольку другие знакомые в предоставлении займа отказали, и нет времени для оформления договора займа со специализированными организациями;
- условия сделки крайне невыгодны для заемщика;
- займодаделец воспользовался этими обстоятельствами.

Согласно указанной норме, эта сделка по иску заемщика может быть признана недействительной, поскольку и право, и мораль порицают по-

ведение займодателя: право допускает признания сделки недействительной, мораль осуждает поведение подруги. Но все ли так просто?

Предлагаем смоделировать две возможные ситуации. Ситуация первая: подруга предоставила заем под очень высокое вознаграждение. Срочно была проведена операция, в результате мужчина остался жив и впоследствии окончательно выздоровел. Ситуация вторая: подруга отказала в предоставлении займа, операция не была проведена, и мужчина скончался.

Таким образом, в первом случае поведение подруги (займодателя) является противоправным, но результатом такого поведения явилось спасение человека. Во втором случае поведение подруги является правомерным, поскольку в силу принципа свободы договора лица самостоятельно решают, вступать им в договорные отношения или не вступать. Но в этом случае человек умирает.

Вопрос о том, в каком случае больший по размеру ущерб нанесен супруге (заемщику), по нашему мнению, решается не сложно. Так какое же поведение на самом деле аморально? Ситуацию, как представляется, можно усилить постановкой дополнительного вопроса: насколько нравственно поведение заемщика, который уже после проведения удачной хирургической операции ставит в суде вопрос о признании договора займа или его части недействительным по правилам о кабальной сделке? Ответ обозначается еще более конкретно с учетом действия принципа свободы договора в части определения его условий.

В этой связи думается, все же, следует признать, что правомерное поведение – не всегда поведение нравственное.

Действительно, цивилистическую мысль всегда волновал вопрос об отграничении сделок как порождающих юридических фактов от действий морально-нравственного, лично-бытового характера.

Эта проблема, не нашедшая своего однозначного разрешения еще в римском праве, вновь обрела актуальность в связи с принятием Гражданских кодексов Республики Казахстан (Общая часть 1994 года и Особенная часть 1999 года), опубликованием ряда научных материалов на

обозначенную тему, а также профессиональной дискуссией на заданную тему.

Так, О.С. Иоффе отмечает, что нужно различать правовое и всякое иное, даже соприкасающееся с правом, регулирование. Чтобы не смешивать одно с другим, следует иметь в виду различные стадии правового регулирования.²

В одной из своих недавних работ Ю.Г. Басин пишет, что «в мировой практике правового регулирования имущественных отношений обычно проводится отграничение сделок как порожающих действий, прямо направленных на достижение юридического результата, от оказания бытовых, семейных, домашних услуг или иной помощи близким людям. Обычно такого рода действия и по форме, и по содержанию, и по последствиям совершаются без принудительного государственного вмешательства. Действуют нормы дружеской этики».³

И далее, в целях дальнейшего совершенствования ГК, Ю.Г. Басин выдвигает следующее предложение: «Для проведения в сфере подобных отношений четких границ желательно введение в текст статьи, определяющей сделку, пункт примерно следующего содержания: «Не признаются сделками действия лиц, связанных родственными, дружескими или иными близкими личными отношениями, направленные на оказание бытовых услуг, иной бытовой помощи либо на совершение совместной бытовой деятельности, если стороны взаимным соглашением не придали таким действиям юридического значения».⁴

В этой связи считаем необходимым отметить тот факт, что при рассмотрении этого вопроса нередко используются принципы англо-американской системы права. Так, например, позиция М.К. Сулейменова, комментирующего ст. 384 ГК РК, заключается в следующем: «Понятие встречного предоставления широко применяется в англо-американском праве под названием «consideration». Там consideration является существенным условием любого договора. Без consideration договор не будет признан договором, имеющим юридическую силу».⁵

«В англо-американском праве одним из требований, необходимых для признания действительности контракта, служит обязательное встречное предоставление (Consideration), которое может сводиться к ответным имущественным действиям, отказу от своих прав или претерпеванию потерь. — Пишет Ю.Г. Басин. Владелец имущества может безвозмездно передать его другому лицу, но договор о безвозмездной передаче имущества не будет иметь юридической силы, поскольку отсутствует Consideration. Сходные требования к контрактам применяются также во Франции».⁶

Таким образом, в результате системного анализа приведенных суждений представляется возможным сделать вывод о том, что подходы, используемые именно в англо-американском праве, подтолкнули Ю.Г. Басина к вышеприведенному предложению по совершенствованию ГК.⁷

В этой связи представляется примечательной позиция А.Г. Диденко, заключающаяся в следующем: «Не говоря уже об ошибочности отождествления consideration с возмездностью (consideration в англо-американском праве охватывает не только предоставление материальных ценностей, услуг и т.п., но и воздержание от совершения каких-либо действий, и отказ от права), методологически исключается любая возможность введения этого понятия в аппарат действующего в республиканском гражданском праве договорного механизма... Некоторые однотипные сделки по континентальному праву подлежат защите, а однотипные в англо-американском праве по мотиву отсутствия встречного удовлетворения — нет. Включение понятия consideration в гражданское право романо-германской правовой системы заставит сломать традиционные и хорошо работающие нормы, нарушит сложившуюся у нас правовую систему».⁸

Вне всяких сомнений, вопрос, вынесенный в заголовок, не является исключительно теоретическим, но касается и правоприменительной практики. В указанной работе Ю.Г. Басина приводится следующий пример: «В судебной алматинской практике было дело о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности. Вред заключался в том, что гражданин попросил друга отвезти домой купленную дорожную вазу. Во время поездки произошла авария, в которой ваза была разбита. Виновник аварии скрылся, а собственник вазы потребовал от друга возмещения ее стоимости. В иске было отказано».⁹

Нам представляется, что этот пример, все же, не является достаточно категоричной иллюстрацией для проведения более или менее четкого разграничения между рассматриваемыми явлениями. Тем более, что «судебная практика не всегда репрезентативна в отношении тех или иных правовых феноменов».¹⁰

Так, думается, для гражданина совершенно безразлично, каким образом его ваза (или он сам) будет доставлена до назначения: на автомобиле своего коллеги или такси. Также не будет иметь значения, кто произведет в его квартире ремонт: сосед или профессиональный подрядчик; кто реализует его вещь: товарищ-владелец бутика или комиссионный магазин.

В описанных случаях (и таких примеров можно было бы привести неограниченное количество) важен лишь результат. Поэтому, давая согласие

на осуществление перевозки, выполнение работ, реализацию вещи и т.п., акцептирующая сторона принимает на себя соответствующие обязанности, что и означает возникновение между лицами правовых, юридических отношений.

Последнее же означает, что при гибели предмета перевозки или причинении вреда здоровью пассажира во время перевозки, возникновении убытков у заказчика и (или) его соседей из-за некачественно выполненных работ, похищении вещи из бутика и т.п. должны наступать соответствующие последствия, с учетом положений гражданского законодательства об ответственности (Глава 20 ГК РК).

Конечно же, и в этом мы согласны с позицией Ю.Г. Басина, нельзя совсем не учитывать известных морально-нравственных аспектов, вызванных наличием дружеских или родственных отношений. Действительно, они могут проявляться, например, в добровольном отказе лица (кредитора) от права на предъявление иска к должнику. Что же касается самой возможности применения правовых норм, а, следовательно, и санкций, то мы такой возможности не исключаем.

Заслуживает внимания и подход Кодекса к разрешению этого вопроса. Первое, на что следует обратить внимание, – это традиционное наличие в нем безвозмездных договоров (п. 2 ст. 384 ГК), обеспеченных равной с возмездными договорами правовой защитой. Таковых, собственно, не-сколько:

- императивно безвозмездные (дарение, ссуда), которые уже в силу своей сущности не могут быть возмездными¹¹;

- диспозитивно безвозмездные (заем, хранение, поручение, доверительное управление имуществом).

При этом, как справедливо отмечает М.К. Сулейменов, «наличие в гражданском обороте безвозмездных договоров не противоречит сущности складывающихся в Казахстане отношений».¹²

Таким образом, и это первый наш вывод, один лишь факт безвозмездности договора по законодательству РК не дает оснований для отнесения его к действиям «неюридического» характера.

Также считаем, что отнесение названных нами договоров перевозки, подряда, комиссии, согласно положениям ГК, к возмездным, ни в коей мере не может влиять на решение вопроса об их статусе «договоров» как таковых, поскольку участники гражданского оборота законодательством наделены правом на отказ от реализации своего права (в наших случаях – от требования на выплату вознаграждения или возмещения убытков).

Проанализируем теперь, насколько близость участников отношений (наличие родственных,

дружеских или иных личных связей) может служить основанием деления действий на «юридические» и «неюридические».

Так, ГК РК (Особенная часть) по целому ряду позиций иначе, по сравнению с ГК КазССР 1963 года, подошел к регулированию договора дарения. Появились нормы о возмещении вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу одаряемого (ст. 514), правопреемстве при обещании дарения (ст. 515), как и о самом обещании дарения, что делает его консенсуальным при условии соблюдения письменной формы.

Не являются ли данные положения показателем того, что для ГК, по сути, оказался безразличным факт наличия близких отношений между дарителем и одаряемым? Мы в этом убеждены. В противном случае Кодекс оставил бы разрешение названных ситуаций вне правового регулирования, предоставив сторонам возможность придерживаться лишь морально-нравственных устоев.

Другой пример – договор безвозмездного пользования имуществом, также традиционно заключаемый, как правило, между гражданами, состоящими в близких отношениях.¹³ «Договор ссуды широко используется в отношениях между гражданами с целью оказания товарищеской помощи, бытовой услуги...».¹⁴ «Безвозмездность договора ссуды предполагает особые, как правило, дружеские либо родственные отношения между его сторонами».¹⁵

Тем не менее, ГК демонстрирует достаточно жесткое его регулирование, налагая на стороны в целом ряде случаев гражданско-правовую ответственность.

Аналогичные суждения можно было бы высказать и применительно к иным видам договоров, предполагающих хотя бы в определенной степени фидуциарность отношений между их участниками. Таковы, например, нормы Кодекса о безвозмездных договорах поручения и хранения¹⁶, о совместной деятельности¹⁷ и т.д.

Поэтому, в качестве второго вывода отметим, что ГК не делает отличий между имущественными отношениями, возникающими между родственниками, друзьями и т.п., и лицами, в таковых отношениях не состоящими, как и между действиями, направленными на оказание бытовых услуг, иной бытовой помощи, совместную бытовую деятельность, и иными действиями.

И, наконец, ситуация, породившая серьезные споры между студентами на лекциях и вызвавшая неоднозначную реакцию на одной из Международных конференций, организованных НИИ ЧП КазГЮУ. Имеет ли право требовать возмещения ущерба, например, молодой человек, защитивший

девушку от нападения трех парней, и понесший при этом материальный ущерб (у него оказалась порвана кожаная куртка, имеются пателыные повреждения, сломан сотовый телефон и т.п.)?

Мы считаем, что имеет, поскольку, по нашему мнению, его действия попадают под действие главы 42 ГК «Действия в чужом интересе без поручения». Однако с нами согласны не все.

Таким образом, подводя общий итог, отметим, что действующее гражданское законодательство РК копрос об отграничении сделок как право-порождающих юридических фактов от действий морально-нравственного, лично-бытового характера не ставит в зависимость от их возмездности либо безвозмездности, как и от наличия либо отсутствия между сторонами каких-либо родственных, дружеских и подобных отношений личного характера. Предлагаемые же попытки «четкого» разграничения этих отношений на законодательном уровне на самом деле вряд ли приведут к стабильности гражданских правоотношений в целом, и, как представляется, рискуют привести в них известную неопределенность и сумятицу.

¹ Иоффе О.С. Гражданское законодательство Республики Казахстан. Размышления о праве. Научное издание. – Астана: ЗАО «Институт законодательства Республики Казахстан», 2002. С. 8.

² Иоффе О.С. Гражданское законодательство Республики Казахстан. Размышления о праве. Научное издание. – Астана: ЗАО «Институт законодательства Республики Казахстан», 2002. С. 17.

³ Басин Ю.Г. О необходимости концептуальных изменений ГК РК / Гражданское законодательство Республики Казахстан. Выпуск 14 / Под ред. А.Г. Диденко. – Астана: ЗАО «Институт законодательства Республики Казахстан», 2002. С. 37.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий. В двух книгах. Книга 2 / Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. – Алматы: «Жеті Жарғы», 1998. С. 315-316.

⁶ Гражданское право. Том I. Учебник для вузов (академический курс). / Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. – Алматы: Изд-во КазПЮА, 2000. С. 66.

⁷ Конечно, факт наличия влияния этой правовой системы на современное казахстанское законодательство – не новость, и это отмечается многими авторами (на примере модели акционерного общества по Закону РК от 10.07.98 г. договорные отношения, доверительного управления имуществом, франчайзинга и т.д.).

⁸ Диденко А.Г. О понимании правовой действительности / Гражданское право: Учеб. пособие. / Под ред. А.Г. Диденко. – Алматы: КазПЮУ, 1999. С. 19-20.

⁹ Басин Ю.Г. Указ. соч. С. 37-38.

¹⁰ Диденко А.Г. Указ. соч. С. 11.

¹¹ Здесь отметим, что в Комментарий к Общей части Гражданского кодекса РК (см.: Книга 2. С. 316) в этой группе также упоминается беспроцентный заем. На самом деле, договор беспроцентного займа Кодексом не предусмотрен, поэтому говорить о нем как о самостоятельной разновидности договора оснований нет. С тем же успехом можно было бы утверждать «наличие» ГК договоров безвозмездного поручения, безвозмездного хранения и т.д. В этой связи договор займа следует относить как к возмездным, так и безвозмездным.

¹² Там же.

¹³ Пожалуй, лишь в качестве некоторого иллюстративного примера в цивилистической литературе советского периода приводился пример работы библиотек. Однако в настоящее время деятельность и этих субъектов претерпела в большой степени коммерческую направленность (см., напр., постановление Правительства Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 884 «Об утверждении Правил использования средств от реализации товаров и услуг, предоставленных государственным библиотечным и государственным музеям-заповедникам»).

¹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР / Под ред. Ю.Г. Басина, Р.С. Тахутдинова. – Алма-Ата: «Казхстан», 1990. С. 353.

¹⁵ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). / Под ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басина. С. 210.

¹⁶ В этой связи особую актуальность приобретает п. 3 ст. 772 ГК, посвященный форме договора хранения в виде бытовых услуг.

¹⁷ Как известно, Законом РК от 2 марта 1998 года статья 228 ГК изложена в новой редакции, позволяющей заключать такого рода договоры не только для достижения общей хозяйственной цели.

Мақала заңнама және мораль мен адамгершілік нормаларының ара қатынасы туралы, соның ішінде моральдық-адамгершілік, жеке-тұрмыстық сияқты іс-әрекеттерден туындайтын заң фактілері сияқты мәмілелерді ажырату туралы мәселелерді қысқаша талдауға арналған.

The Article is dedicated to short analysis of the question about differentiate of the norms legislation and morals and moralities, including about deals as appearance of the right of legal fact from action morally-moral personally-home nature

Акимбекова С.А.

*ведущий научный сотрудник Института законодательства РК,
и.о. доцента кафедры трудового права и гражданского процесса КазГЮУ, к.ю.н*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Для функционирования судебной системы необходимо надлежащее исполнение актов суда.

Исполнение судебных актов представляет собой важнейший участок правовой практики, который отражает эффективность всего механизма правосудия. Отсутствие правового механизма, регулирующего исполнение, в том числе и принудительное, сводит на нет защиту нарушенных прав, снижает авторитет и эффективность органов судебной власти. Указанная ситуация может привести к дестабилизации экономической ситуации, и в конечном счете побуждает взыскателей к использованию неправовых способов возвращения долгов и понуждения должников к исполнению обязательств. В то время как справедливое и эффективное исполнение судебных актов является ключевым элементом доверия к правовой системе государства и экономике в целом.

Положения пункта 3 статьи 1 Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» гласит, что судебные акты обязательны для исполнения всеми государственными органами и их должностными лицами, физическими и юридическими лицами. Аналогичные требования содержатся и в других нормативных актах.

Не всякий акт суда исполняется добровольно, но и не все акты суда автоматически исполняются в принудительном порядке. Для этого необходимо волеизъявление взыскателя. Данный принцип диспозитивности вытекает из положения части 2 статьи 236 ГПК РК, предусматривающей, что после вступления в законную силу решения суда выписывается исполнительный лист, который выдается взыскателю, либо по его письменному заявлению направляется судом для исполнения в соответствующий орган исполнительного производства по территории. Однако, суд по своей инициативе направляет исполнительный документ для исполнения в соответствующий орган исполнительного производства по территории в случаях:

- 1) конфискации имущества;
- 2) взыскания в доход государства;
- 3) взыскания ущерба, причиненного преступлением;
- 4) взыскания алиментов;
- 5) возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья;

6) возмещения вреда, причиненного потерей кормильца (ч.2 ст. 236 ГПК РК).

В связи с этим следует отметить некоторую несогласованность норм ГПК РК. Так, положение статьи 140 ГПК РК, определяющее требования, по которым выносится судебный приказ, устанавливает, что приказ выдается и по требованиям о взыскании алиментов. Положением статьи 149 ГПК РК установлено, что судья выдает судебный приказ взыскателю для предъявления его к исполнению. По просьбе взыскателя судебный приказ может быть направлен для исполнения непосредственно судом. Здесь также, исходя из принципа диспозитивности, законодатель оставил за взыскателем право предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению, что не согласуется с положениями статьи 236 ГПК РК, предоставляющие право суду направлять исполнительный документ непосредственно по своей инициативе.

В связи с вышеизложенным, считаем более верным связать процедуру направления исполнительного документа на принудительное исполнение с волеизъявлением самого взыскателя. Данное требование может не распространяться на исполнительные документы, выданные на основании решений об удовлетворении требований в пользу государства. Не случайно, на наш взгляд, по многим категориям дел за взыскателем оставлено право по собственному усмотрению предъявлять исполнительный документ к исполнению. Однако в отдельных случаях исполнительные документы направляются на принудительное исполнение и без учета волеизъявления взыскателя. В последующем такие исполнительные документы возвращаются в связи с отказом взыскателя от принудительного исполнения. Данные обстоятельства в определенной степени влияют на нагрузку судебного исполнителя, которым ведется ненужная переписка и безрезультатная работа по исполнительному документу¹.

В соответствии с положением пункта 1 статьи 4 Закона «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» к органам исполнительного производства относится судебный исполнитель. На сегодняшний день судебный исполнитель, как процессуальная фигура, в силу своего низкого социального статуса, отсутствия материальных стимулов для быстрого и квалифицированного исполнения судебных актов, при мизерной заработной

плате, физической и социальной незащищенности, отсутствии надлежащих условий труда, в принципе не в состоянии надлежащим образом исполнять свои функциональные обязанности. Возможно, именно невысокое служебное положение судебного исполнителя является одним из препятствий для кардинального решения проблемы исполнения исполнительных документов.

Более того, необходимо учитывать требования закона, предусматривающего равное количество судей и судебных исполнителей, разрыв между которыми сегодня достаточно велик.

Не следует забывать и о необходимости повышения квалификации судебного исполнителя, поскольку быстро меняющиеся правовые, социально-экономические реалии требуют постоянного совершенствования и обновления знаний законодательства, правильного его применения. Сегодня характер гражданско-правовых споров настолько многообразен и сложен, что без повышения требований к профессиональному уровню трудно говорить о грамотном разрешении дела, эффективном исполнении судебных актов, которые сопряжены с обжалованием актов налоговых органов, споров, связанных с банковским правом, нарушениями режима экспортного и импортного валютного контроля, таможенных правил.

К сожалению, многие судебные исполнители нередко проявляют некомпетентность, допуская досадные ошибки и промахи, откровенные ляпы и казусы, дисциплинарные проступки, что отнюдь не способствует росту социального престижа как носителя власти наделенного целым комплексом полномочий, а также самым широким диапазоном обязательств.

В сфере исполнительного производства из года в год растет количество подлежащих исполнению судебных актов. Таким образом, перегруженность, сказывается на качестве работы судебного исполнителя по каждому отдельному исполнительному производству. В связи с этим, на наш взгляд, назрела необходимость объединения судебных исполнителей и судебных приставов в единую, более организованную и сильную структуру, наделенную широкими полномочиями и обеспечивающую неуклонное исполнение судебных постановлений.

Судебный исполнитель, исполняя судебные акты, ограничен в своих действиях в процессе его исполнения. Практика деятельности служб судебных приставов в странах СНГ показала, что наиболее оптимальным является вариант создания должности судебного пристава-исполнителя.

Судебные приставы-исполнители более самостоятельны, их полномочия существенно расширены и в некоторых случаях не уступают полномочиям сотрудников правоохранительных органов.

Опыт зарубежных стран показывает, что без таких прав и обязанностей невозможно эффективно исполнять судебные акты.

По данному вопросу нельзя не согласиться с мнением С.М. Жалыбина², который предлагает законодательно решить вопрос об объединении функций судебного исполнителя и пристава, возможно разработав для этого отдельный закон.

Согласно положению статьи 23 Закона «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» в случае неясности исполнительного документа судебный исполнитель, получивший его для исполнения, вправе обратиться в суд за разъяснением решения или постановления, на основании которого выдан исполнительный документ. В связи с чем возникает несколько вопросов. А именно: в какой срок должен судебный исполнитель обратиться в суд с ходатайством о разъяснении решения суда? В какой срок суд должен рассмотреть ходатайство судебного исполнителя о разъяснении решения? Ведь отсутствие конкретных сроков и обязывающих норм порождает волокиту как со стороны судов, так и судебных исполнителей, что, в конечном счете, негативно отражается на интересах взыскателя, но зато дает возможность должнику осуществлять легальное уклонение от исполнения своих обязанностей. В связи с вышеизложенным, предлагаем в случае неясности судебного решения обязать судебного исполнителя в 3-дневный срок с момента получения исполнительного листа обратиться с ходатайством в суд за его разъяснением. Более того, на наш взгляд, подача такого ходатайства обязательно должна повлечь за собой приостановление исполнительного производства. Предлагаем также дополнить статью 232 ГПК РК нормой, обязывающей суд вынести определение о разъяснении судебного решения в 10-дневный срок с момента получения ходатайства судебного исполнителя.

Глава 18 ГК РК предусматривает обеспечение исполнения обязательств. Одной из форм обеспечения является залог. Договор залога совершается в письменном виде и отражает предмет залога, его оценку, существо, размер и сроки исполнения обязательств, у какой из сторон находится заложенное имущество и допустимость его использования. Залог имущества, подлежащего регистрации, должен быть зарегистрирован в органе, осуществляющем регистрацию данного имущества. Судебным исполнителем может быть обращено взыскание на заложенное имущество должника при недостаточности прочего имущества должника для полного удовлетворения всех предъявленных ему требований, обеспеченных залогом, с соблюдением установленных гражданским законодательством прав залогодержателя. Однако положения пункта 2 статьи 37 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе

судебных исполнителей» противоречит статьям 316, 319 ГК РК – защита залогодержателем своих прав на предмет залога и реализация заложенного имущества. В связи с чем предлагаем исключить статью 37 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», учитывая права залогодержателя и противоречия норм закона.

В соответствии со статьей 18 Закона «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» по делам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, смертью кормильца, а также в иных случаях, когда место пребывания должника неизвестно, судебный исполнитель обращается с представлением в суд для решения вопроса об объявлении розыска через органы внутренних дел. В этих случаях оперативность действий суда во многом предопределяет эффективность и качество исполнения судебных актов. При поступлении исполнительных документов судебными исполнителями в первую очередь устанавливается место нахождения должника по указанному в исполнительном листе адресу или согласно данным адресного бюро. Если же после проведения данных действий должник не будет установлен, судебный исполнитель, как было указано выше, принимает меры по объявлению его в розыск. Вот именно с этого момента и возникают сложности в решении данного вопроса. Во-первых, законодатель, установив в материальном праве в случае отсутствия должника нормы, регулирующие порядок объявления его в розыск, не урегулировал данный вопрос в процессуальном законе. То есть, не внесены соответствующие изменения в ГПК РК. А именно, что должно содержать в себе представление судебного исполнителя, какие документы он должен прилагать к нему, сроки рассмотрения в суде данного материала, какой судебный акт должен принимать судья по результатам его рассмотрения. Согласно положению статьи 251 ГПК РК акт суда, которым дело не разрешается по существу, должен быть вынесен в форме определения. При этом на практике зачастую встречаются случаи, когда указанные представления возвращаются судами без принятия какого-либо процессуального решения, что лишает администратора судов права обжаловать действия суда в установленном законом порядке. Также зачастую суды при возвращении представления судебного исполнителя ссылаются на нормы пункта 2 статьи 135 ГПК РК, предусматривающего обязанность судьи объявить розыск только по делам в интересах государства, взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья или смертью кормильца. Однако данная ссылка суда является также незаконной. Так как данная норма закона должна применяться судом только при неизвестности места

пребывания ответчика по находящимся в производстве суда и еще не рассмотренным делам (до вынесения окончательного решения). То есть при предъявлении искового заявления в суд и невозможности вручения копии искового заявления ответчику.

Более того, в самом законодательстве об исполнительном производстве также нет четко установленных условий, при наступлении которых возможно объявление должника в розыск.

Так, согласно положению пункта 4 части 1 статьи 21 Закона «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» исполнительный документ, по которому взыскание не производилось или произведено не в полном объеме, возвращается взыскателю, в случае если по указанному взыскателем адресу должник не проживает или не работает, либо не находится его имущество. В то же время согласно положению пункта 1 статьи 18 данного закона при неизвестности места пребывания должника судебный исполнитель обязан обратиться в суд с представлением об объявлении розыска должника через органы внутренних дел или финансовой полиции. Таким образом, в связи с тем, что в законодательстве нет четко установленных условий, при наступлении которых возможно объявление розыска должника, судебным исполнителям предоставляется право при одинаковых обстоятельствах в одних случаях вносить представление об объявлении розыска, а в других - возвращать исполнительные документы взыскателям.

Еще одной из проблем исполнительного производства является произведение оценки при аресте имущества. Законом судебному исполнителю предоставлено право производить оценку имущества с учетом соглашения, достигнутого между должником и взыскателем. Однако, в случае если оценка является затруднительной, либо взыскатель или должник возражают против произведенной судебным исполнителем, привлекается специалист. При несогласии сторон с оценкой судебному исполнителю необходимо назначить специалиста. Оценка имущества является коммерческой деятельностью и производится на платной основе. В связи с этим возникает вопрос оплаты проводимой оценки. Если с оценкой не согласен взыскатель, то он, как заинтересованное лицо может понести расходы по оценке имущества, с последующим взысканием расходов с должника. А если несогласие выражается со стороны должника, то в его интересы не входит скорейшее проведение оценки и оплата им самих услуг. Данные обстоятельства приводят к затягиванию процесса исполнения решения суда. Учитывая, что в Республике Казахстан отсутствует внебюджетный фонд содействия судебным исполнителям, из средств которых можно было бы провести экспертную оценку арестованного имущества с последующим взысканием расходов с должника.

Выход из создавшейся ситуации возможен в случае внесения изменений в статью 43 Закона, предусматривающую, что в случае если взыскатель либо должник возражают против произведенной судебным исполнителем оценки, судебный исполнитель для определения стоимости имущества назначает специалиста. Оплата услуг специалиста производится возмещающей против оценки стороной, с последующим отнесением расходов на счет должника.

При достаточно низком состоянии исполнения судебных актов на практике довольно редко применяется положение статьи 362 УК РК, предусматривающие наказание за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Видимо, проблема заключается в том, что нет конкретного механизма привлечения к ответственности по этой статье. Суд, вынося акт, отстраняется от его дальнейшего исполнения и контроля, так как это не функции органа правосудия. Судебный исполнитель работает над тем, чтобы были произведены действия, указанные в акте. При невозможности исполнения, судебный исполнитель фиксирует это и практически забывает о деле. В его функции не входит реализация положения статьи 362 УК РК по отношению к лицу, не выполнившему судебный акт. Взыскатель, также не обладает узаконенным правом возбуждения дела по привлечению к ответственности должника по вышеназванной статье. Вот почему судебные акты могут не исполняться годами, а не исполняющий его субъект от этого никаких неудобств может не испытывать. Ведь обязательность исполнения актов суда – это важное условие действительности и эффективности судебной власти, законодательно закрепленный принцип ее осуществления. Именно на обеспечение реализации этого принципа направлены положения статьи 362 УК РК, устанавливающие ответственность за неисполнение приговора, решения суда или иного судебного акта.

Выход видится в том, чтобы законодательство вменить в обязанность исполнительный системы выступать инициатором привлечения к ответственности за неисполнение судебных актов. Эти дела как раз и относятся к категории дел очевидных преступлений, расследование и доказательство которых требуют минимума сил и времени, рассмотрение которых может быть упрощено и проведено оперативно. И только тогда, когда наказание за неисполнение судебных решений станет неотвратимым и обычным в правовой практике, ситуация в корне изменится.

В завершении хотелось бы рассмотреть вопрос о возможности введения в нашей стране, наряду с государственными судебными исполнителями, института частных судебных исполнителей, урегулировав в законодательном порядке их правовое положение. Весьма показателен в данном вопросе опыт зарубежных стран.

Во Франции исторически сложилась система частного исполнения, когда функции судебных исполнителей выполняются не государственными служащими, а «принудительными исполнителями» - лицами, получившими лицензию у государства на данную деятельность. Чтобы стать принудительным исполнителем во Франции, гражданин должен иметь юридическое образование, пройти 2-х годичную стажировку в соответствующей конторе, сдать государственный квалификационный экзамен.

В США функции по исполнению осуществляют шерифы, маршалы, судебные приставы-исполнители, а также частные юридические агентства.

В Германии также устоялся институт частных судебных исполнителей, именуемых регистраторами суда. Полномочия по исполнению судебных актов они осуществляют на основании сертификата, предоставляющего им соответствующее право.

В качестве аналогии также весьма примечательна и приемлема - отечественная модель частного нотариата, на сегодняшний день показавшая свою состоятельность при выполнении не менее общественно важных функций, чем исполнение судебных актов.

Анализ опыта по обзору исполнительного производства ряда зарубежных государств показывает на присущий в той или иной форме всем этим государствам признак: это возложение части функции по исполнению судебных актов на частных лиц, будь то работающий по лицензии судебный исполнитель или частная юридическая контора. Преимуществ этого вида исполнения достаточно много, главным из которых является обеспечение своевременного исполнения решений путем повышения заинтересованности самих участников исполнительного производства в исполнении решения.

Думается, что одновременно с введением института частного исполнения повысится статус государственного судебного исполнителя и значимость самого института исполнительного производства как самостоятельной стадии гражданского судопроизводства, что, несомненно, также скажется на надлежащем исполнении судебных решений. Определен-

ная конкуренция двух видов исполнения будет только способствовать своевременному исполнению решений, скорому восстановлению нарушенных прав.

⁴ Сулейменова У. О совершенствовании законодательства об исполнительном производстве. *Гражданское законодательство*.

Статн. Комментарий. Практика. Вып. 24. - Алматы: Юрист, 2006. - С. 118-125.

⁵ Жамалин С. М. Подлежащее исполнение судебных решений как форма защиты прав граждан // *Материалы Республиканской научно-практической конференции «Проблемы исполнения судебных Постановлений в Республике Казахстан»* - с. Алматы 29-30 октября 2001 г. - С. 96.

Сот актілерін орындау сот төрелігінің барлық тетіктерінің тиімділігін көрсететін құқықтық тәжірибенің маңызды бөлігі болып табылады. Тиісті атқарушылық үрдістері болмайынша сот шешімдері мемлекет үшін де, жеке тұлғалар үшін де өрекетсіз болмақ. Экономикалық өмір, әсіресе сауда және өнеркәсіп сот шешімдерінің орындалу жүйесінің тиімділік дәрежесіне тең дәрежеде бағынышты. Әзі мақаласында автор атқарушылық іс жүргізудің барынша өзекті проблемаларын ашып, оны шешу жолдарын ұсынады.

The execution of the judicial acts presents itself the most important area in legal practice which reflects efficiency of the whole mechanism of the justice. Without corresponding to executive procedure judicial decisions turn out to be not effective and illusory both for the state, and for private citizens. The Economic life, especially trade and industry, in equal condition depends from the condition of efficiency of the system of the execution on judicial decisions. In its article author reveals the most actual problems of the executive procedure and offers the way of their decision.

Калдыбеєв А. К.

*ассоциированный научный сотрудник Института законодательства РК,
директор департамента юридической и кадровой работы АО Казмехдиртранс,
к. ю. н., магистр права (ФРГ (LL.M.))*

ПОНЯТИЕ «ГРУППА ЛИЦ» ПО АНТИМОНОПОЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

7 июля 2006 года была принята новая редакция Закона Республики Казахстан «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» (далее – Закон). Закон, как указывается в комментарии к нему, «во многом совершеннее, чем предыдущий»¹, при разработке которого максимальные усилия были направлены на его соответствие международным стандартам. Направляющими векторами являются вступление в ВТО, реализация Стратегии по вхождению Казахстана в число пятидесяти развитых стран мира, участие в международных соглашениях, в том числе создание в рамках СНГ Единого экономического пространства.

Закон содержит ряд нововведений, направленных на усиление позиции антимонопольного органа, упрощение процедуры ценообразования субъектов рынка, совершенствование систем антимонопольного контроля и расследования нарушений антимонопольного законодательства. К числу таких нововведений, относящихся к построению слаженной системы антимонопольного контроля и преследующих цель унификации законодательства, относятся нормы, определяющие правовое положение «группы лиц».

Антимонопольное законодательство многих стран содержит положения, касающиеся регули-

рования отношений с участием группы субъектов, чья деятельность на рынке является потенциально опасной для сохранения и развития конкуренции. В рамках СНГ примерами являются антимонопольные законы Армении, России, Таджикистана, Узбекистана. При этом отсутствуют как таковые определения группы лиц, а даются признаки (условия) отнесения субъектов рынка к группе лиц.

В соответствии со статьей 8 Закона группой лиц является совокупность физических и (или) юридических лиц, применительно к которым выполняются данные в указанной статье следующие условия:

1. Лицо или несколько лиц совместно в результате соглашения (согласованных действий) имеют право прямо или косвенно (через третьих лиц) распоряжаться двадцатью пятью и более процентами голосующих акций (долей участия, паев) юридического лица. Само определение понятия соглашение (согласованные действия) критически рассматривалось в литературе с учетом смыслового несовпадения «соглашения» и «согласованных действий», а также практических трудностей выявления ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий². В этой связи в Законе четко отмечено, что под соглашениями (согласованными действиями) понимаются любые договорные отно-

шения сторон, направленные на ограничение или устранение конкуренции, получение необоснованных преимуществ в предпринимательской деятельности (пп. 3 ст. 1). Таким образом, для принятия мер антимонопольного реагирования необходимо доказать наличие договора в соответствии с данными в ст. 378 Гражданского кодекса условиями. В соответствии с Законом для отнесения субъектов к участникам группы лиц достаточно наличие у них права распоряжения акциями (долями участия, паями), что несомненно означает наличие существенного влияния на деятельность юридического лица.

2. Лицо или несколько лиц получили возможность на основании договора или иным образом определять решения, принимаемые другими лицом или лицами, в том числе определять условия ведения другими лицом или лицами предпринимательской деятельности либо осуществлять полномочия исполнительного органа. Указанное условие является общим в отношении ранее рассматриваемого условия, так как возможность определения решения, принимаемого другим лицом возможно как при наличии определенного количества акций (долей участия, паев), так и другими способами, перечисление которых затруднительно в силу их разнообразия. В данном случае указан универсальный способ определения решений в рамках предпринимательской деятельности и осуществления полномочий исполнительного органа (например, при наличии права назначать единоличный исполнительный орган или более 50 процентов состава коллегиального органа юридического лица) – договор. Спектр самих договоров, на основе которых возможно определять решения другого лица, также широк. Примером определения решения другого лица на основании договора в российской судебной практике являются отношения сторон по договору комиссии. Так, условия договоров комиссии, в частности порядок определения розничной цены, свидетельствовал о наличии у комитентов возможности определять условия ведения комиссионерами предпринимательской деятельности, что позволило признать комитентов и комиссионеров группой лиц³.

3. Одни и те же физические лица, их супруги, близкие родственники, собственники представляют собой пятьдесят и более процентов состава исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета) двух и более юридических лиц. Согласно Закону «О браке и семье» близкие родственники – родители, дети, усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки (пп. 13 ст. 1). В Кодексе «О налогах и других обязательных платежах в Бюджет (Налоговый кодекс)» к близким родственникам относятся родители, супруги, братья, сестры, дети, а к собственникам – братья,

сестры, родители и дети супругов. В соответствии с же Законом «О государственных закупках» к близким родственникам относятся родители, супруг (а), братья, сестры, дети, к собственникам – братья, сестры, родители и дети супруга (и) (п. 1 ст. 7).

4. Одни и те же физические лица, их супруги, близкие родственники, собственники и (или) юридические лица получили возможность на основании договора или иным образом определять решения, принимаемые двумя и более юридическими лицами, в том числе определять условия ведения этими лицами предпринимательской деятельности либо осуществлять полномочия их исполнительных органов. Указанное условие является общим в отношении условия 3, так как возможность определения решения, принимаемого двумя и более юридическими лицами возможно представляя половину и более состава исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета) двух и более юридических лиц.

5. Физические лица, исполняющие трудовые обязанности в юридическом лице, одновременно:

представляют собой пятьдесят и более процентов состава исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета) другого юридического лица;

получили возможность на основании договора или иным образом определять решения, принимаемые другими юридическими лицами, в том числе определять условия ведения этими лицами предпринимательской деятельности либо осуществлять полномочия их исполнительных органов.

6. Одни и те же физические лица, их супруги, близкие родственники, собственники и (или) юридические лица имеют право самостоятельно или через представителей распоряжаться двадцатью пятью и более процентами голосующих акций (долей участия, паев) каждого из двух и более юридических лиц. Распоряжение акциями, которые дают право их собственнику голосовать на общем собрании акционеров, а также распоряжение долями участия и паями через представителей также подпадает под так называемое «косвенное распоряжение» через третьих лиц по смыслу условия 1.

7. Физические и (или) юридические лица имеют право самостоятельно или через представителей распоряжаться в сумме двадцатью пятью и более процентами голосующих акций (долей участия, паев) одного юридического лица, одновременно данные физические лица, их супруги, близкие родственники, собственники либо представители указанных юридических лиц занимают пятьдесят и более процентов состава исполнительного органа и (или) совета директоров (наблюдательного совета) или иного органа управления другого юридического лица.

Отнесение лиц к группе лиц по смыслу Закона обуславливается их общей экономической полити-

кой или наличием возможности контроля одного лица над другим. В этой связи обоснованность подпадания под действие антимонопольного законодательства деятельности групп лиц очевидна, так как, обладая монопольным положением на рынке и согласовано ведя общую экономическую политику, такая группа лиц несомненно влияет на состояние конкуренции на определенном товарном рынке. Если монопольной властью не обладает ни один из участников группы лиц, то при их объединении такая власть появляется⁴. Определение и ограничение отрицательного влияния таких структур особенно важны при построении конкурентных рыночных отношений, из чего как раз и исходит Закон.

Положения Закона, относящиеся к субъектам рынка, распространяются на группы лиц (п. 2 ст. 8). Между тем есть мнения, что применяемый подход распространения положений Закона о конкуренции, относящихся к хозяйствующим субъектам, на группу лиц представляется чрезмерно упрощенным⁵. При этом подход, принятый в Законе, в соответствии с которым указано, что положения Закона, относящиеся к субъектам рынка, распространяются на группы лиц, не позволяет рассматривать группу лиц «как единый хозяйствующий субъект» как это сделано в отдельных антимонопольных законах стран СНГ.

При этом Закон не всегда последовательно отмечает распространение на группы лиц положений Закона, относящихся к субъектам рынка. Так, например, в разделе Закона, касающегося экономической концентрации - пп. 3 п. 1 ст. 12, пп. 4 п. 1 ст. 12 Закона в диспозициях норм специально указывается на группу лиц как на субъекта, в отношении которого действуют данные нормы, тогда как в пп. 1 п. 1 ст. 12, пп. 5 п. 1 ст. 12 Закона ссылка на группу лиц отсутствует. В этой связи, несмотря на то, что в отдельных нормах Закона не указывается на группу лиц, в соответствии с п. 2 ст. 8 Закона, эти нормы распространяют свое действие и на группу лиц. В отдельных случаях, исходя из существа отношений, распространение на группы лиц норм Закона, относящихся к субъектам рынка, является невозможным. Это относится, например, к положениям о реорганизации субъекта рынка (пп. 2 п. 1 ст. 12 Закона), об участии в исполнительных органах, советах директоров (наблюдательных советах) двух и более субъектов рынка (пп. 6 п. 1 ст. 12 Закона).

В соответствии с Законом субъектами рынка являются физические и (или) юридические лица Республики Казахстан, а также иностранные юридические лица (их филиалы и представительства), осуществляющие предпринимательскую деятельность. Таким образом, для включения субъекта рынка в состав группы лиц по смыслу Закона требуется осуществление лицами предпринимательской деятельности в соответствии с данными в п. 1 ст. 10

Гражданского кодекса условиями. Согласно же Федеральному закону РФ «О защите конкуренции» хозяйствующий субъект – это индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, а также некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход. По российскому закону не имеет значения тот факт, занимается ли некоммерческая организация предпринимательской деятельностью, ставит ли она перед собой цель получения прибыли. Для признания некоммерческой организации хозяйствующим субъектом достаточно того, чтобы осуществляемая ей деятельность приносила ей доход. В соответствии же с Законом одно лишь получение дохода лицом не достаточно для признания его субъектом рынка и, следовательно, для включения в состав группы лиц. Тем самым Закон воспринял норму, которая содержалась в ст. 3 Закона Казахской ССР «О развитии конкуренции и ограничении монополистической деятельности» от 11 июня 1991 года, в соответствии с которой хозяйствующими субъектами признавались любые юридические и физические лица, осуществляющие хозяйственно-коммерческую деятельность и выступающие участниками товарного оборота. Необходимо отметить, что в соответствии со старой редакцией Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» от 19 января 2001 года действие этого закона распространялось также и на некоммерческие организации и физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями (пп. 1 ст. 4).

Следует остановиться на соотношении понятий «группа лиц» и «аффилированные лица». Например, в Законе Республики Армения «О защите экономической конкуренции», в Законе Республики Таджикистан «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», а также в ранее действовавшем одноименном законе Российской Федерации наряду с понятием «группа лиц» дается понятие «аффилированные лица», под которыми понимаются физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Положения об аффилированности лиц, содержащиеся в законодательстве Республики Казахстан (Закон «Об акционерных обществах»), отсутствуют в Законе. Сравнивая условия отнесения субъектов к группам лиц, данным в Законе, и к аффилированным лицам, урегулированным Законом «Об акционерных обществах», можно отметить, что лица, которые входят в группу лиц, являются аффилированными по отношению друг к другу в понимании Закона «Об акционерных обществах». Понятия «аффилированные лица» и «группа лиц» относятся друг к другу как общее к частному, поскольку лица могут быть признаны аффилированными по иным

критериям, а не только в связи с принадлежностью к группе лиц. В этой связи трудно согласиться с выводом Федерального арбитражного суда РФ о том, что «... наличие между покупателями акций отношений аффилированности еще не является основанием для признания их группой лиц и для возложения на них обязанности по получению предварительного разрешения антимонопольного органа»².

Вместе с тем, следует согласиться с тем, что понятие «группа лиц» используется для целей законодательства о конкуренции, тогда как понятие «аффилированные лица» должно применяться в «оформлении корпоративных отношений»³, что как раз и воспринял Закон. Причем, поскольку сами аффилированные связи не используются прямо при антимонопольном регулировании, то и понятие аффилированных лиц введено через сугубо антимонопольную категорию – группу лиц⁴. Этим как раз и объясняется то, что в упомянутых законах государств-участников СНГ понятие «аффилированные лица» указано только в разделе, разъясняющем понятие, без его дальнейшего использования в этих законах.

В Законе упоминается еще одна совокупность лиц, подпадающая под действие Закона – участники экономической концентрации. На основании анализа главы 4 Закона можно сделать вывод о том, что участники экономической концентрации, в случае участия в экономической концентрации нескольких лиц, подпадают под признаки участников группы лиц в соответствии с п. 1 ст. 8 Закона. В этой связи им присущи такие свойства группы лиц, как распространение норм, относящихся к субъектам рынка, на группу лиц. Так, согласно абз. 1 п. 1 ст. 15 Закона участники экономической концентрации для получения разрешения на дальнейшую экономическую концентрацию представляют в антимонопольный орган общее ходатайство.

Существенное значение для регулирования деятельности групп лиц имеет введенный Законом запрет координации финансовыми лицами, коммерческими и некоммерческими организациями экономической деятельности субъектов рынка, которая приводит или может привести к последствиям, перечисленным в пункте 1 статьи 7 (п. 2 ст. 7). Такое нововведение обусловлено возможностью наличия у третьих лиц определенного влияния на деятельность субъектов рынка. Вместе с тем, в отличие от вновь принятого Федерального закона РФ «О защите конкуренции», в котором также содержится

указанное положение, Закон не определяет понятие «координация экономической деятельности». Российским законом под такой координацией понимается согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов (п. 14 ст. 4). Представляется, что в рамках совершенствования Закона целесообразно ввести определение координации экономической деятельности по примеру российского закона, когда влияние над субъектами рынка выражается в форме необходимости получения согласования третьего лица, которое по формальным признакам не входит в состав группы лиц.

С учетом важности нормативного регулирования деятельности групп лиц, представляется необходимым отдельное правовое и методическое рассмотрение проявлений монополизма групповых образований, границ квалификации действий субъектов рынка по указанным статьям Закона внутри группы лиц, а также и других, связанных с предметом регулирования, вопросов.

Бюллетень монополиста. 2006 г., № 1, с. 14.

² КИ. Басин, А. Диденко. Ответственность предпринимателей за согласованные действия, ограничивающие конкуренцию. Гражданское законодательство Республики Казахстан. Выпуск 10. – Алматы: ГОИ Басин, 2001, с. 28 и след.

³ <http://www.antimonopoly.spb.ru/practice/practice4.shtml>

⁴ Барное Н.А., Козлова М.Ю. Антимонопольное законодательство Российской Федерации (вопросы теории и практики). – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001, с. 79

⁵ Храброва Н.А. Государственное регулирование интеграционных процессов в корпоративном секторе. Особенности государственного регулирования финансово-промышленных групп.

http://www.bnpgrave.ru/show_stat.php?stat=208

⁶ <http://www.ec-centre.ru/lawsp?id=97>

⁷ Таилов А.В. Законодательство РФ об аффилированных лицах.

<http://p10280.clients.m-i0.ru/articles/68/>

⁸ Храброва Н.А. Государственное регулирование интеграционных процессов в корпоративном секторе. Особенности государственного регулирования финансово-промышленных групп.

http://www.bnpgrave.ru/show_stat.php?stat=208

Мақалада "Тәсілге және монополистік қызметті шектеу туралы" Қазақстан Республикасының жаңа заңындағы тұлғалар тобының қызметтерін құқықтық реттеудің ерекшеліктері туралы айтылады.

The article considers the particularity of the legal regulation of the activity persons group in the new law of the Republic Kazakhstan "About competitions and restriction to monopolistic activity".

Нуртаев Р.Т.

*заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии АЮА КазГЮУ, д.ю.н., профессор*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Продолжающийся в настоящее время процесс дальнейшего реформирования уголовного законодательства нашей республики нацелен, прежде всего, на гуманизацию уголовной политики, углубление и выработку новых подходов к правильной реализации принципов наказания и экономии мер уголовно-правовой репрессии за преступления.

Для воплощения в жизнь прогрессивных начал гуманизации уголовной политики важное значение имеет принятие во внимание неразрывных, логически взаимосвязанных категорий и понятий, составляющих в совокупности устойчивую плодотворную основу дальнейшего реформирования уголовного законодательства на началах гуманизма, как-то:

1) принятие во внимание рекомендаций, полученных в результате всестороннего, углубленного исследования и осмысления магистральных тенденций, обозначившихся в развитии прогрессивной этической мысли в интересах их экстраполяции на характеристику преступности под макро- и микрокриминологическим углом зрения;

2) правильный учет и оптимальное использование современных достижений теоретических работ в области юриспруденции;

3) анализ, изучение, обобщение и совершенствование юридической практики в новых жизненных условиях.

Обращение к проблеме серьезного укрепления теоретического фундамента уголовного права обязывает ученых-юристов к более широкому внедрению в теоретические разработки методологических рекомендаций из области философии права, социологии уголовного права, психологии и других областей наук, не ограничиваясь результатами эмпирических исследований, ориентированных на нормативистский подход в праве. В этом контексте рассуждений вполне уместны выводы И. Канта о том, что «чисто эмпирическое учение о праве - это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть красива, но, увы, не имеет мозга».¹

Развитие уголовно-правовой науки предполагает плодотворное использование комплексных методов исследования, а не замыкание и ограничение на эмпирических данных. К числу используемых этой наукой методов исследования необходимо отнести в первую очередь такие методы, как догматический,

социологический, сравнительно-правовой, историко-правовой, диалектический и др. При этом следует отметить, что сложные и противоречивые процессы реформирования современного общества, в том числе и в уголовно-правовой сфере, привели к переоценке многих традиционных методологических постулатов.²

Так, в восприятии и оценке рыночных отношений в качестве социального блага для народа перспективным представляется исключение чрезмерного увлечения прагматической (утилитарной) стороной, характеризующей рыночную экономику. Прагматизм не может выступить фактором, способствующим совершенствованию социальной практики, развитию теории познания объективной реальности.

Критикуя отрицательные последствия прагматизма, известный русский мыслитель академик Богдан Кистяковский писал: «Вместо постоянных и неизменных принципов прагматизм выдвигает в качестве решающих моментов изменчивые принципы фактической пригодности, пользы и интереса».³

Следовательно, методологическую основу современного уголовного права нужно создавать с использованием постоянных и неизменных принципов, каковыми, на наш взгляд, можно назвать гуманизм, эффективность и этичность проводимой государством уголовной политики.

Решение проблемы защиты личности, ее прав и свобод уголовно-правовыми средствами предполагает поиск и дальнейшую теоретическую разработку основных принципов, понятий и институтов уголовного права под углом зрения нового уголовного законодательства и, соответственно, новых подходов. Это касается, прежде всего, устоявшихся, традиционных положений уголовно-правовой догмы, как-то: понятия преступления, оснований уголовной ответственности, наказания и других проблем Общей части уголовного права.

В теоретической разработке нуждаются новые составы преступлений, сформулированные в Особенной части УК РК. С позиций дальнейшей гуманизации уголовной политики заслуживает внимания выдвинутое в новое время определение объекта преступления, согласно которому объектом преступного посягательства признается человек (либо группы людей), материальные или нематериальные ценности.

В новом уголовном законодательстве РК введено понятие преступления, совершенное с двумя формами вины, с указанием на то, что в целом такое преступление признается совершенным умышленно, хотя в части 2 статьи 19 УК установлено, что объективное вменение не допускается. По сути, двойная форма вины есть новая, третья, самостоятельная форма вины. Поэтому нужно признать этот факт.

В статье 10 УК, помимо умышленных и неосторожных деяний, правомерно включить преступления с двумя формами вины.

В статье 23 УК констатируется признание деяния совершенным невиновно, если лицо не могло предотвратить вредные последствия в силу неответственности своих психофизиологических качеств, пребыванием в экстремальных условиях или первоначальным психическим перегрузкам, которые следовало отнести не к вине (обязательному признаку субъективной стороны преступления), а к вменяемости (обязательному признаку субъекта преступления), поместив это понятие - специальная вменяемость в статью о вменяемости (невменяемости), не путая с признаками субъективной стороны преступления.

Дискуссионной и нерешенной в уголовном законодательстве остается проблема уголовной ответственности юридических лиц за отдельные деяния, в особенности за экологические, экономические и другие виды преступлений, актуализирующиеся в связи с переходом республики на рыночные отношения⁴. Правомерно было бы, на наш взгляд, внести дополнение в статью 14 УК РК и ее частью 3 констатировать, наряду с физическими лицами, уголовную ответственность и юридических лиц по специальным предусмотренным таковой соответствующими статьями Особенной части УК РК.

В статье 31 УК законодателем допущено неоправданное отождествление равнопорядковых понятий, каковыми являются, на самом деле, преступное сообщество и преступная организация, ибо преступная организация формируется на основе слияния нескольких преступных сообществ и отождествление этих организованных преступных структур недопустимо.

В зарубежном уголовном законодательстве ответственность за совершение преступлений в организованных формах участия детализированно регламентируется. К примеру, в Уголовном кодексе Франции 1992 года ответственность за организованные коррупционные преступления дифференцирована на: 1) активную коррупцию; 2) сообщничество в активной коррупции; 3) пассивную коррупцию; 4) сообщничество в пассивной коррупции. (В 1995 году по обвинению в организованной коррупции в Париже были осуждены бывший президент спортивного клуба «Олимпик» и пять его сообщников).⁵

Следовало бы в статье 31 УК выделить в самостоятельные части преступления, совершаемые:

1) преступной группировкой и 2) преступной организацией, - учитывая то обстоятельство, что в уголовном праве это равнопорядковые понятия и самостоятельные структуры в организованных преступных формированиях.

Наряду с этими изменениями, в Общую часть УК, а также в антикоррупционное законодательство РК нужно внести изменения, касающиеся дифференциации ответственности участников коррупционных преступлений.

В системе наказаний пожизненное лишение свободы, - по сути, новый вид уголовного наказания, и поэтому его необходимо выделить в самостоятельную статью Общей части УК.

В Особенной части УК следовало бы переформулировать отдельные статьи. Так, статья 184 озаглавлена «Нарушение прав интеллектуальной собственности», а в тексте диспозиции нормы речь идет об авторских и изобретательских правах, что несообразно с объемом понятия интеллектуальная собственность. Поэтому и изложить данную статью нужно - «Нарушение авторских и изобретательских прав».

В статье 189 УК в одном ряду оказались в равнозначном положении признаки простого (основного) и квалифицированного составов воспрепятствования законной предпринимательской деятельности.

Необходимо в части 1 указанной статьи предусмотреть ответственность за воспрепятствование таковой предпринимательской деятельности, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения, а в части 2 той же статьи квалифицирующими признаками этих преступлений признать совершение их в нарушение вступившего в законную силу судебного акта или причинение крупного ущерба.

Как известно, первый этап реформирования уголовного законодательства в Республике Казахстан завершился принятием 16 июля 1997 года нового УК, вступившего в силу с 1 января 1998 года. С июня 1999 года, по инициативе Администрации Президента РК, начал второй этап его реформирования. В связи с чем следовало бы изменить структуру УК в Общей и Особенной его частях предусмотреть, как это сделано в УК РФ 1996 года, разделы и главы, что создало бы возможность для более четкого применения норм уголовного права.

В Общей части УК логично было бы в числе принципов сформулировать и принцип гуманизма.

В целом все преступления следовало бы дифференцировать на уголовные проступки и уголовные преступления. То есть преступления небольшой тяжести признавать уголовными проступками.

Смертную казнь нужно в последующем исключить из системы санкций. Незамедлительно из уголовного кодекса необходимо исключить смертную казнь за убийство, совершенное по мотиву кровной

мести за преступления против мира и безопасности человечества, а также за военные преступления.

Необходимо исключить ст. 97 УК убийство матерью новорожденного ребенка и признать детоубийство как простое умышленное убийство, квалифицируя по ст. 96 УК.

В Уголовный кодекс нашей республики целесообразно ввести институт транзакции и медиации с учетом положительного опыта Бельгии.

Все эти и другие меры реформирования уголовного законодательства способствовали бы дальней-

шей гуманизации уголовной политики нашего государства.

* Кант И. Сочинения в 6 т. М. 1963-Г.4. ч.2 Метафизика нравов.- с. 139

† Паулине А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций.- М., 1996 г.

‡ Кистяковский В. А. Философия и социология права.- СПб. РХГИ. 1999.- с. 10

§ Бирчанин Н.Ш. Уголовно- правовые проблемы борьбы с преступлениями в сфере экологии. Автореферат дис. Д-ры. -М. 1995.-с. 31

§ Сп. газ Спорт-экспресс.- 1995. 17 мая

Мақалада қылмысқа қарсы күресуге арналған заңдарды дамытатын өзекті мәселелер жергіліктен.

The article is devoted to the actual matters of further improvement and development of acting criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

.....

Коганов М.Ч.

главный научный сотрудник Института законодательства РК, член Совета по правовой политике при Президенте РК, начальник Академии финансовой полиции, д.ю.н профессор

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ПОЗИЦИЯ ПРАКТИКА И УЧЕНОГО)

Общие положения

Уголовное судопроизводство, отождествляемое с движением уголовного дела. Невозможно представить без следственной деятельности

Уголовный процесс различных исторических периодов всегда регламентировал следственную функцию в качестве важнейшего института уголовно-процессуального права.

Следственная функция, таким образом, стала важной частью уголовно-процессуальной деятельности. Отсюда, следственная деятельность, правоотношения в этой сфере – предмет непрекращающихся научных дискуссий и организационно-правовых преобразований.

Однако никогда не ставились под сомнение важность и объективная необходимость следственной функции в уголовном процессе, которая в настоящее время получила прочные конституционные основы (ст. 84 п. 1 Конституции Республики Казахстан).

Таким образом.

- следственная функция как государственно-правовое явление опирается на прочные исторические корни и традиции и без нее невозможно осуществление задач и принципов уголовного судопроизводства;

- следственная функция – динамично развивающийся специальный государственный институт и специальный вид государственной деятельности;

- следственная функция при любых реформах юридической системы общества и государства всегда остается важной стадией досудебного производства по уголовным делам;

- в формате следственной функции расследуется подавляющее большинство преступлений;

- следственная функция – исключительная прерогатива узкого круга специальных государственных органов.

Новые подходы к развитию следственной функции регламентированы УПК РК 1997 года и Концепцией правовой политики Республики Казахстан 2002 года.

На данный момент в государстве действуют три следственных аппарата: национальной безопасности, внутренних дел, финансовой полиции.

Правом производства предварительного следствия по делам своей подследственности наделены также органы дознания страны. В целом дознание, выполняя вспомогательную роль по отношению к следствию, укрепило возможности следственной практики и за длительный исторический период стало крупным практическим направлением правоохранительных органов. Деятельность органов дознания остается сочетанием оперативно-розыскных и процессуальных действий, а также важным этапом в развитии следственной функции. В качестве достижений становления и развития дознания

в отечественном уголовном процессе следует привести примеры образования на базе его практики следственных аппаратов в органах внутренних дел (1963 год) и налоговой (финансовой) полиции (1997 год) Казахстана.

Элементы предварительного расследования, возможность осуществления предварительного расследования в рамках уголовного преследования, делают активным субъектом следственной функции и прокурора.

Достаточно определено, с учетом интересов практики борьбы с преступностью, регламентирована подследственность следственных аппаратов.

Впервые на законодательном уровне регламентирована технология движения оперативно-розыскных материалов в уголовный процесс (март 2001 года) и тем самым существенно ослаблена историческая изолированность оперативного состава от следователей.

Концептуальные направления совершенствования национальной следственной деятельности

Изучение следственной, прокурорской и судебной практики, анализ правовой литературы убеждают в необходимости дальнейшего совершенствования следственной деятельности в стране.

1. Назрела потребность дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в сфере следственной деятельности с учетом требований Конституции РК (п. 2 ст. 84).

Прежде всего, безотлагательно требуется принятие Закона РК «О статусе следователя и следственной деятельности», с приближением следственного корпуса по условиям функционирования к судебскому.

Также как и судьи, следователи при расследовании уголовного дела, должны обладать привилегиями (неприкосновенностью) в уголовном процессе. Это вызвано тем, что судьи рассматривают уголовные дела, прежде бывшие предметом работы следователей. Не должно быть неравных условий для государственных органов и должностных лиц, ведущих, по существу, единый уголовный процесс, обеспечивающих движение уголовного дела на разных стадиях уголовного судопроизводства.

Стабильности следственных кадров, особенно на уровне районного звена, отвечали бы:

- высокая заработная плата следователя;
- более высокие специальные звания в рамках любой следственной должности (можно отказаться вообще от специальных званий);
- сокращенные сроки выслуги лет между специальными званиями;
- высокие социальные гарантии.

2. Для укрепления идеи о процессуальной самостоятельности и независимости следователя целесообразно пересмотреть административную под-

чиненность следственного аппарата внутри правоохранительного ведомства, его взаимоотношения с другими службами ведомства, порядок назначения руководителя следственного аппарата и следователей.

Должность следователя, начальника следственного отдела поднять до статуса политической должности.

3. Важно продолжить упрощение и ускорение процедур досудебного производства по уголовным делам в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан.

Предварительное следствие предлагается вести в двух режимах: обычном и ускоренном.

Дознание сохранить только в порядке ст. 200 УПК, т.е. производстве неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно предварительное следствие.

Идея регламентации в УПК одной основной формы предварительного расследования уголовных дел в режиме предварительного следствия объективно приведет к созданию условий для образования единого следственного аппарата страны.

4. Следует и дальше регламентировать линию на специализацию права производства предварительного следствия другими органами в соответствии с динамикой структуры преступности, а также стремиться к созданию модели правоохранительной и судебной систем эффективно противодействующей основным блокам и уровням преступной деятельности в стране.

5. Важным в рассматриваемом контексте является дальнейшая конкретизация регламентации подследственности уголовных дел.

Если на судебном уровне подсудность уголовных дел в основном определена и редко подвергается пересмотру, а также распадается на круг дел, рассматриваемых, соответственно, районным, областным и Верховным судами, это до сих пор не сделано применительно к аппаратам расследования уголовных дел.

Представляется, что решение данного важного вопроса существенно повысит эффективность деятельности аппаратов расследования уголовных дел, прежде всего, областного и республиканского уровней. Правильная регламентация подследственности уголовных дел, к тому же, повлияет на оптимизацию и структуру штатов аппаратов расследования уголовных дел и связанных с ними структур.

6. Общеизвестно, что процессуальное право является одним из главных механизмов реализации норм уголовного законодательства и, следовательно, должно корреспондировать с ним. В реальности в этом направлении сделано очень мало. К примеру, существующие процедуры расследования практически не учитывают специфику организованной преступности и не создают условий для эффективного расследования таких дел. Решение этого во-

проса в УПК станет адекватным реагированием на регламентированные Уголовным кодексом формы соучастия в преступлении, в том числе сложные (ст. 31 УК).

На наш взгляд, по делам о преступлениях, совершенных организованной группой или преступным сообществом, кроме установления общих обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу о любом преступлении, выяснению должны подлежать:

- 1) наличие предварительного сговора о совместной организованной преступной деятельности;
- 2) наличие объединения лиц в сплоченную организованную преступную группу (или организацию);
- 3) наличие устойчивого структурного объединения (преступной группы или организации), созданного для занятия организованной преступной деятельностью;
- 4) роль организатора и других соучастников;
- 5) способы легализации нажитого преступным путем имущества;
- 6) использование угроз и подкупа должностных лиц, представителей власти.

Необходима также разработка в УПК подробной процессуальной формы:

- исключения из уголовного дела фактических данных, недопустимых в качестве доказательств;
- легализации оперативно-розыскных материалов в доказательства по делу;
- расследования дел о преступлениях юридических лиц;
- проведения смешанных уголовно-процессуальных и финансовых расследований по всем случаям незаконно нажитого имущества лицами, деяния которых не подпадают в типологию уголовно-наказуемых действий с целью его конфискации в пользу государства. В этом плане заслуживает внимания антимафиозное законодательство Италии.

По итальянскому законодательству конкретное имущество может быть передано государству в судебном порядке двумя путями.

В первом случае – через рамки доказывания и доказательства обычного уголовного процесса по делу о преступлении, с помощью которого субъект получил незаконные доходы.

Во втором случае проводится финансовое расследование для установления законного характера происхождения собственности и источников дохода конкретных лиц, в отношении которых имеются подозрения об их принадлежности к мафии, даже если поведение таких лиц не входит в типологию уголовно-наказуемых преступлений.

Объект проверки должен доказать, что его собственность и источники дохода носят законный характер. В противном случае такое имущество может быть конфисковано и передано государству, по-

сле того как в судебном порядке будет установлена противоправность его происхождения.

Такой способ позволяет избежать трудностей, возникающих на уровне традиционного уголовного процесса, требующего получения прямых доказательств.

Данная правовая процедура не относится к сфере применения уголовных санкций и, следовательно, не противоречит принципу презумпции невиновности.

Нуждается в коренном изменении процессуальный порядок доследственной проверки оснований к возбуждению уголовного дела. Фактически он превратился в изучение следователем и прокурором «судебной перспективы» уголовного дела и несет в себе элементы коррупции.

С другой стороны, даже при определенной урегулированности стадии возбуждения уголовного дела, налицо искусственное разделение единого, по существу, процесса расследования уголовного дела на процессуальную деятельность до и после возбуждения уголовного дела.

На практике данное обстоятельство в условиях соблюдения служебной, коммерческой и других тайн, привело к серьезным проблемам при получении исходной информации, необходимой для решения вопроса о возбуждении уголовного дела из предприятий, учреждений, организаций, а также к неоправданному дублированию доследственной работы в ходе расследования уголовного дела.

В этой связи:

- а) необходимо упразднить порядок и сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении;
- б) обусловить начало возникновения уголовного дела, его расследование с момента официального приема заявления или сообщения о преступлении органом уголовного преследования, с сохранением традиционных сроков расследования;
- в) среди процессуальных решений первоначального этапа расследования, после приема и регистрации заявления или сообщения о преступлении целесообразно сохранить передачу заявления или сообщения по подсудности или подследственности, с упразднением права органа уголовного преследования на отказ в возбуждении уголовного дела по любым основаниям.

Другой вопрос – о праве следователя прекратить уголовное дело с согласия прокурора по нереабилитирующим мотивам. Проблема эта старая и идет вразрез с сущностью основных функций уголовного процесса (обвинения, защиты, разрешения дела по существу) и их отражением в Конституции страны.

Остается только догадываться об истинных причинах наличия у следователя права на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим мотивам в стадии расследования уголовного дела. Как пока-

зывает следственная практика это право таит в себе условия для совершения коррупции должностными лицами органов уголовного преследования. Прекращенные уголовные дела, что особенно важно, кроме следователя и прокурора, никем больше не изучаются и не оцениваются с точки зрения законности и обоснованности принятого решения.

Кроме того, будучи одной из сторон в уголовном процессе, следователь и прокурор не вправе разрешать дело по существу путем его прекращения по нереабилитирующим мотивам, так как это прямая функция суда, не являющегося стороной в уголовном деле.

Представляется, что за следователями и прокурорами целесообразно сохранить право на прекращение уголовного дела в стадии его расследования по реабилитирующим лицо мотивам. Прекращение же уголовного дела по нереабилитирующим мотивам возложить исключительно на суды, что будет соответствовать требованиям конституционной законности и процессуальному статусу суда в уголовном процессе.

Приведенные положения настоятельно диктуют необходимость изменения существующего порядка возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Такого права, из соображения равноправия сторон в досудебном уголовном процессе, не должно быть у прокурора по результатам изучения уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением. Это, безусловно, скажется на активности прокурорского надзора за расследованием уголовного дела уже с момента приема и регистрации заявления или сообщения о преступлении.

Следует упразднить и право суда на возвращение уголовного дела на дополнительное расследование из главного судебного разбирательства, так как это право вступает в противоречие с сущностью правосудия по уголовным делам и предполагает определенное неравенство сторон в судебном процессе.

Поступившее в суд уголовное дело должно разрешаться по существу путем принятия решения о прекращении уголовного дела либо постановлением оправдательного или обвинительного приговора.

Вместе с тем, целесообразно сохранить право суда на возвращение уголовного дела по собственной инициативе или по ходатайству сторон в стадии подготовки уголовного дела к слушанию.

В этом случае все основания для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование следует свести к «техническим» недостаткам, содержащимся в уголовном деле.

7. Совершенствование следственной деятельности невозможно без развития в законодательстве об уголовном процессе смежных правовых секторов.

Совершенно забывается объективная потребность в укреплении правосубъектности адвокатов в уголовном процессе. В целом проблемы адвокатуры и адвокатской деятельности в Казахстане нуждаются в государственной поддержке. Следует принять отдельное государственное решение по дальнейшему развитию адвокатуры и адвокатской деятельности в стране, а также открыть специальное высшее учебное заведение, факультеты в юридических вузах.

Повышению роли защитника в уголовном процессе послужит введение в часть 1 ст. 116 нового подпункта в следующей формулировке: «с несоблюдением процессуального порядка обеспечения права на защиту и квалифицированную юридическую помощь». Это повысит эффективность норм об адвокатской деятельности в УПК.

В главе 16 УПК также следует предусмотреть аналогично ст. 130 УПК новую норму – ст. 130-1 со следующим названием: «Использование материалов защитника в доказывании по уголовным делам». Это акцентирует внимание органов уголовного преследования на строгое выполнение принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 24) и других важных принципов уголовного процесса (ст.ст. 10, 15, 19, 25, 26, 28).

Технически эту норму можно создать за счет перемещения п. 3 ст. 125 в новую ст. 130-1 УПК, в которой, безусловно, необходимо предусмотреть другие важные положения, особенно по процедуре приобщения к уголовному делу материалов защитника.

Для повышения законности ареста необходимо изменить формулировку третьего предложения п. 5 ст. 150 УПК в следующей редакции: «При допросе обязательно присутствие следователя, дознавателя, защитника, законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), которые имеют право на высказывание своего мнения по рассматриваемому вопросу». Такое уточнение соответствует смыслу, содержанию и развивает потенциал ст. 16 Конституции РК.

Заключительные положения

1. В целом можно констатировать определенное завершение цикла реформ в правоохранительном сообществе, сохранившего в природе предварительного следствия функции предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

2. Реформирование закрепило факт существования различных форм досудебного расследования преступлений (дознания, следствия), как стадии предварительного расследования в уголовном процессе, так как ни одна из них себя не скомпрометировала.

3. Получили подтверждение следующие организационные формы построения взаимодействия органов дознания и следствия:

- раздельное (вневедомственное);
- совместное, в едином структурном подразделении;
- в рамках разных подразделений государственной структуры.

4. Динамизм процессов дальнейшего развития аппаратов предварительного расследования в перспективе предполагает дальнейшую специализацию этих органов в сфере расследования преступлений с одновременным ужесточением прокурорского и судебного надзора за этой деятельностью.

5. Во многом серьезные издержки, которые сопровождают процессы реформирования, вызваны отсутствием глубоких проработок внедряемых моделей правоохранительных систем, к тому же не прошедших внешнего рецензирования.

Таким образом, необходимость разработки Концепции национальной следственной деятельности продиктована важностью дальнейшего изучения и совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства о досудебном уголовном процессе в целях приведения его в соответствие с общепризнанными международными стандартами правосудия и требованиями национальной конституционной законности.

Қылмыстық процестегі тергеу қызметінің тиімділігін арттырудың тұжырымдық негіздері қарастырылады. Тергеушінің процессуалдық мәртебесі мен сотқа дейінгі қылмыстық процесті жетілдіру бойынша ұсыныстар енгізіледі.

Conceptual basis of increase of investigation activity efficiency in criminal process are considered in the article. Proposals of modernizing of the procedural status of an investigator and pre-court criminal process are introduced.

.....

Юрченко Р.Н.

судья Верховного Суда Республики Казахстан, к.ю.н.

СООТНОШЕНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРОВ, И РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ

Государственная политика в Республике Казахстан в сфере исполнения уголовных наказаний определяется на основе совокупности факторов, характеризующих уровень развития демократизации, культуры и правосознания общества, принципах законности и гуманизма, а также на возможности государственной экономики предоставлять необходимые ресурсы для нормальной деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Соответствующее влияние при этом на уголовно-правовую и уголовно-исполнительную политику оказывает также состояние, структура и динамика преступности. Несомненно, что и нормы международного права, а также развитие национального уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства также являются одними из факторов, формирующих уголовно-ис-

полнительную политику в стране. Система этих факторов нашла отражение в соответствующих нормах Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов.

Бесспорно, что каждое лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности, причем, только на основании норм уголовного закона, определяющих деяние преступлением и предусматривающих назначение наказания за его совершение. При этом одной из целей уголовного наказания является исправление осужденных, предупреждение совершения ими и другими лицами новых преступлений.

Уголовно-процессуальное законодательство, предусматривая порядок судопроизводства по уголовным делам, в том числе и исполнения судебных актов, рассмотрения вопросов, возникающих при исполнении приговоров, обеспечивает реализацию

принципа неотвратимости наказания и преюдиции вступившего в законную силу судебного акта, создает необходимые условия для реализации вышеуказанных целей уголовного наказания. В этой связи фактическая реализация цели исправления осужденного определяется уже нормами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан.

В этой связи совершенно справедливо отмечено Ю.В. Бочаровым, что «фактическое привлечение лиц к уголовной ответственности в соответствии с санкцией уголовной нормы порождает отношения, регулируемые нормами уголовно-исполнительного права», когда реализация обвинительного приговора «происходит посредством иных правоотношений, предусмотренных уголовно-исполнительным правом».¹

Сравнение соответствующих статей Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов РК показывает, что указанные отрасли законодательства объединяет единство целей и задач: восстановление социальной справедливости, охрана прав и свобод личности, исправление осужденных, предупреждение совершения ими и другими лицами новых преступлений.

Определяя преступность и наказуемость деяний, устанавливая общие условия назначения уголовных наказаний лицам, признанным виновными в совершении преступлений, уголовное законодательство РК одновременно предусматривает основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, замену назначенного по приговору наказания другим, более мягким наказанием, амнистирование и помилование осужденных.

Уголовное наказание представляет собой согласно ч. 1 ст. 38 УК меру государственного принуждения. Хотя в законе прямо не указывается о карательной сущности уголовного наказания, но карательные свойства уголовного наказания признавались многими учеными.² Такое мнение основано, прежде всего, на том, что в отношении лица, подвергнутого уголовному наказанию, осуществляется принуждение.

М.Д. Шаргородский по этому поводу писал, что «наказание является лишением преступника каких-либо принадлежащих ему благ и выражает отрицательную оценку преступника и его деяния государством. Наказание причиняет страдание лицу, к которому оно применяется. Именно это свойство, являясь необходимым признаком наказания, делает его карой.»³

Мнение о том, что применение к осужденному уголовного наказания сопряжено с причинением ему страданий путем лишений и ограничений, высказываются и более поздними авторами.⁴

Одним из свойств уголовного наказания признается и его поощрительное свойство, которое проявляется в способности к существенному смягчению в зависимости от последующих позитивных действий виновного и его поведения в период отбывания наказания. Определяя это свойство уголовного наказания и формулируя цель наказания – исправление осужденного, В.П. Марков указывает, что «это такой результат воздействия наказания на осужденного, который означает его нравственное исправление, ведущее к отказу от антиобщественных установок, и воплощается в его правомерном поведении. К исправительным средствам воздействия относятся: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, воспитательная работа, обучение, лечение от алкоголизма и наркомании в период отбывания наказания, а также дополнительные лишения и ограничения при злостном неисполнении режима отбывания наказания и поощрительные меры, стимулирующие исправление. Исправившимся следует считать лицо, не совершающее новых преступлений.»⁵

Об исправлении осужденных в период исполнения назначенного им по приговору суда наказания как об одной из целей уголовного наказания указывал И.А. Петин.⁶

Реализация указанных положений уголовного закона требует установления соответствующей процессуальной процедуры. Поэтому нормы УПК приводят в действие положения уголовного закона, связанные с исполнением наказания и освобождением от наказания.

Уголовно-исполнительное законодательство, базируясь на общих и специальных принципах, заложенных в нормах УК и УПК, определяет правовое положение осужденных, устанавливает специфику исполнения отдельных видов уголовного наказания, детализирует порядок и основания принятия в ходе исполнения приговоров решений, предусмотренных как уголовным, так и уголовно-исполнительным законами.

Следует отметить, что как суд, руководствуясь общими принципами, предусмотренными уголовным законом, при назначении наказания конкретному лицу применяет принцип индивидуализации, также и органы уголовно-исполнительной системы, занимаясь исправлением осужденных, должны действовать таким образом, чтобы применяемые ими способы изменили модель поведения осужденного в аналогичной жизненной ситуации, в которой им было совершено преступление.

Другой целью уголовного наказания является восстановление социальной справедливости. Социальная справедливость, прежде всего, заключается в том, чтобы лицо, совершившее преступление, получило справедливое наказание. Об этом указано в

ст. 52 УК. Социальная справедливость в широком понимании означает формирование в обществе путем изобличения и наказания преступников уверенности в способности государства обеспечить правопорядок, определить виновному в совершении преступления справедливое наказание и обеспечить его надлежащее исполнение в соответствии с приговором суда. Социальная справедливость реализуется путем возложения на осужденного определенных прав и обязанностей.

В науке уголовного права по вопросу о том, на каком этапе реализуется цель наказания – восстановление социальной справедливости, нет единого мнения. Некоторые ученые считают, что это происходит уже с момента назначения осужденному наказания⁷. Другие придерживаются мнения о том, что социальная справедливость достигается в процессе исполнения уголовного наказания.⁸

Ни та, ни другая точки зрения не отражают в полной мере весь аспект понятия «социальная справедливость», поскольку о справедливости необходимо помнить не только при назначении уголовного наказания подсудимому, оно должно быть справедливым, но не забывать об этом и в процессе исполнения приговора, когда применяются правовые институты поощрения осужденных, вставших на путь исправления, приводятся в действие нормы, защищающие права уже самих осужденных от необоснованного жестокого обращения с ними.

Еще один аспект восстановления социальной справедливости, который касается восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов пострадавших от преступления лиц, т.е. потерпевших.

Наказание виновных лиц уже в какой-то мере способствует восстановлению социальной справедливости в их глазах. Возмещение имущественного и морального вреда, причиненного преступлением, является также воплощением восстановления социальной справедливости.

В этой связи осознание лицами, непосредственно пострадавшими от преступлений, а также и другими членами общества неотвратимости наказания, которое должно быть адекватным содеянному, укрепляется тем, что каждый обвинительный приговор, на основании которого виновное лицо должно отбывать наказание, обязательно исполняется, а в ходе исполнения приговора и наказания преступник испытывает те лишения и ограничения, которые несет и само по себе наказание, и способы, условия его исполнения. Кроме того, при причинении преступлением имущественного или морального вреда осужденный в стадии исполнения судебного акта принуждается к его возмещению, если он не сделал этого добровольно.

И наоборот, неисполнение приговора, который подлежит обязательному исполнению в силу его

преюдиции, снижает степень достижения одной из важных целей уголовного наказания – восстановление социальной справедливости. Неисполнение судебных актов влечет предусмотренную законом уголовную ответственность.

В то же время следует отметить, что при обсуждении вопросов по проблемам исполнения судебных актов акцент чаще всего делается на состоянии исполнения судебных решений по гражданским, экономическим делам, когда исполнение касается имущественных или денежных взысканий. Менее всего дискутируется тема реального исполнения судебных актов по уголовным делам.

В этой связи вызывают беспокойство вопросы, касающиеся своевременного обращения к исполнению каждого приговора, их реального исполнения, а также разрешения вопросов, связанных с исполнением приговоров.

Следует отметить, что и правовая статистика не в полной мере учитывает показатели, касающиеся исполнения приговоров. Учет реального исполнения наказаний в виде штрафа, привлечения к общественным работам, ограничения свободы, условного осуждения, исправительных работ, лишения свободы, ограничения по военной службе определяется на основании ведомственных показателей, формируемых уголовно-исполнительными инспекциями, которые нередко не отражают реальное состояние. Значительное внимание акцентируется лишь на вопросах исполнения наказания в виде лишения свободы, да и то это скорее связано не столько с необходимостью ведения строгого контроля за исполнением приговора о лишении свободы, а с тем, что в ходе исполнения данного наказания могут права человека быть нарушены более существенно.

Надо отметить, что законодатель, определяя задачи уголовного процесса, не выделяет в качестве специальной цели достижение обязательного, надлежащего исполнения приговора (ст. 8 УПК). Но такая цель присутствует и она объединена в понятии «привлечение к уголовной ответственности», в которое, надо полагать, входит и реальное отбывание осужденным назначенного по приговору суда наказания. Ведь если наказание назначено, но оно не исполняется, следовательно, говорить об уголовной ответственности лица, совершившего преступление, можно только чисто в теоретическом смысле, имея в виду, что осуществляются стадии возбуждения и расследования дела, проводится главное судебное разбирательство, происходит принятие судом решения о виновности подсудимого и определение ему меры ответственности за содеянное путем назначения приговором суда уголовного наказания. Фактически же виновное в совершении преступления лицо несет уголовную ответственность, когда он реально отбывает уголовное наказание.

Несмотря на указанную конструкцию ст. 8 УПК, анализ других норм уголовно-процессуального закона свидетельствует о том, что судопроизводство по уголовным делам осуществляется и в целях обеспечения исполнения приговора.

Так, в пункте 27 ст. 7 УПК дано понятие термину «производство по уголовному делу», согласно которому исполнение приговора (постановления) суда включено в совокупность процессуальных действий и решений, осуществляемых и принимаемых на разных стадиях уголовного процесса.

Является ли правосудием процессуальная деятельность суда в стадии исполнения приговора?

Согласно ст. 57 УПК правосудие осуществляется судом. Однако, в ст. 59 УПК при перечислении полномочий суда при производстве по уголовному делу законодатель указывает о его функциях лишь на досудебной и судебных стадиях уголовного процесса. О стадии исполнения приговора и роли в ней суда в данной норме не упоминается. В ней не содержится указание на ряд других важных процессуальных действий и решений, которые в соответствии с нормами Особенной части УПК относятся исключительно к полномочию судов. Однако, это не означает, что у суда отсутствуют полномочия по осуществлению правосудия в этой стадии уголовного процесса. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к другим нормам уголовно-процессуального закона.

Например, в соответствии со ст. 449 УПК только суд вправе принять процессуальное решение об обращении приговора к исполнению, в соответствии со ст. 452 УПК рассмотреть вопросы об отсрочке исполнения приговора, в соответствии со ст. 453 УПК разрешать вопросы, возникающие при исполнении приговора. И только лишь в особых случаях вопросов непосредственного исполнения приговора касается Генеральный прокурор, которому принадлежит право приостановления вступившего в законную силу приговора.

Полномочия суда в стадии обращения приговора к исполнению, в стадии исполнения приговора регламентированы и в других специальных нормах уголовно-процессуального закона.

Например, в соответствии со ст. 385, ч. 3 ст. 423-1 УПК решение суда об освобождении осужденного/оправданного из-под стражи осуществляется самими судебными инстанциями.

Несмотря на то, что регламентация полномочий суда в уголовном судопроизводстве, в том числе и в стадии исполнения приговоров, предусмотрена уголовно-исполнительным законодательством, в котором отсутствуют нормы, возлагающие на суды обязанность непосредственного исполнения уголовных наказаний, в статье 14 Уголовно-исполнительного кодекса законодатель причислил суд к органам, исполняющим наказания в виде штрафа

и конфискации имущества, указав, что эти наказания исполняются судом, вынесшим приговор, либо судом, действующим по месту нахождения имущества или по месту работы осужденного.

Конечно, желательно, чтобы между ст. 59 Общей части УК и соответствующими нормами Особенной части УПК, статьями УИК по вопросам полномочий суда по исполнению приговора не было коллизий. Думается, что устранить их возможно путем внесения соответствующих дополнений в ст. 59 УПК – как общую норму, носящую обязательный характер при применении других норм УПК, с тем, чтобы в ней были указаны все полномочия суда при производстве по уголовному делу, в том числе и связанные с исполнением судебных актов по уголовным делам, а также привести в соответствие с этими дополнениями и нормы УИК.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает случаи вынесения судом не только приговоров, но и постановлений по уголовному делу, когда оно находится в стадии дознания или предварительного следствия. Такие постановления выносятся судом по вопросам, указанным в статьях 109-113 УПК.

Например, согласно части 4 ст. 109 УПК судья, рассмотрев жалобу, выносит постановления следующего содержания:

- 1) отменяет признанное им незаконное процессуальное решение;
- 2) обязывает прокурора устранить допущенные нарушения прав и законных интересов гражданина или организации;
- 3) оставляет жалобу без удовлетворения.

Очевидно, что постановления суда, которыми удовлетворена жалоба заявителя, после его вступления в законную силу подлежат исполнению.

В соответствии со ст. 113 УПК лица, не являющиеся участниками процесса, вправе требовать признания себя таковыми, а в случае получения отказа от органа, ведущего уголовный процесс, обжаловать его прокурору или в суд.

Порядок приведения в исполнение постановлений суда по этим вопросам законом не регламентирован. В этой связи, представляется необходимым его установить. И это тоже задача для законодателя.

Между нормами УК, УПК и нормами УИК существует ряд и других несоответствий.

Например, часть 10 ст. 23 УПК гласит о том, что суд обеспечивает сторонам право участвовать в рассмотрении дел по первой и апелляционной инстанции. Из этого положения следует, что данная норма Общей части УПК, обязательная при применении норм Особенной части УПК, обязывает суды обеспечивать в каждом случае участие осужденных и их защитников, законных представителей и при

рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговоров. Но в ч. 4 ст. 455 УПК вопреки данному положению Общей части УПК указано, что осужденные обязательно участвуют только лишь в тех случаях, о которых указано в этой норме. Таким образом, обязанность суда обеспечить участие осужденного на всех стадиях процесса, в стадии рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров, существенно уменьшена рамками ч. 4 ст. 455 УПК.

В статье 40 УПК, содержащей перечень лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного в результате незаконных действий органов, ведущих уголовный процесс. В то же время в данной статье не указано о праве осужденных (или их правопреемников) на возмещение причиненного им вреда в связи, например, с их заражением в местах лишения свободы тяжелыми болезнями, либо в связи с наступлением их инвалидности, смерти ..

Пробел законодательства в определенной мере восполняется разъяснением Верховного суда РК, данным в постановлении Пленума от 09 июля 1999 года № 7 «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс», в котором к незаконным действиям, влекущим возмещение причиненного вреда, отнесены случаи применения насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Но этого недостаточно для того, чтобы осужденные, в отношении которых исполнялся приговор, могли в полной мере компенсировать причиненный им вред в стадии исполнения наказания.

В этой связи представляется, что для законодателя есть над чем подумать, чтобы сравнять процессуально-правовое положение лиц, которым незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс, а также органами, исполняющими приговоры и наказания может быть причинен вред.

В части 2 ст. 69 УПК перечислены права осужденного. К ним относятся лишь те права, которыми осужденный может воспользоваться только в период между вынесением обвинительного приговора и его вступлением в законную силу, поскольку в перечне процессуальных прав указаны: право на ознакомление с протоколом судебного заседания, подачу на него замечаний, обжалование приговора и иных постановлений суда (судьи); право получать копии обжалуемых судебных актов; знать о принесенных другими участниками процесса жалобах и протестах, знакомиться с ними, подавать на них свои возражения; участвовать в рассмотрении заявленных жалоб и протестов.

Права же осужденного после вступления приговора в законную силу, в том числе и на стадии обращения приговора в исполнение и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении, в данной норме не перечислены.

Думается, что это тоже является пробелом Общей части УПК, поскольку Общая часть УПК предназначена содержать в себе общие положения, применение которых обязательно при обращении к любым нормам Особенной части УПК.

Еще один пример. В статье 70 УК указано, что вопросы об условно-досрочном освобождении решает суд. Однако, не все осужденные, отбывшие предусмотренную часть. 3 ст. 70 УК часть срока, могут предстать перед судом для рассмотрения вопроса об их условно-досрочном освобождении.

Дело в том, что согласно пункту 9 ст. 169 УИК вопрос о том, заслуживает ли осужденный условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания другим более мягким наказанием, вместо суда решает администрация учреждения, исполняющего наказание. Лишь только по ее усмотрению материалы на лиц, отбывших установленную законом часть наказания, попадают в поле зрения суда и рассматриваются.

Қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу және қылмыстық-атқару заңнамасын дамыту елдегі қылмыстық-атқару саясатын қалыптастыратын факторлардың бірі болып табылады. Үкімдерді орындауға және қылмыстық жазаның мақсатын іске асыруға байланысты мәселелерді қарау кезіндегі қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу және қылмыстық-атқару заңнамасы нормаларының арақатынасы сотталғандарды түзету, солардың және басқа адамдардың жаңа қылмыстар жасауларының алдын алу болып табылады.

The Development of the criminal, criminal-proceeding and criminal-executive legislation are one of the factors forming criminal-executive politician in country. The Correlation of the criminal, criminal-proceeding and criminal-executive legislation norms during consideration of the questions in accordance with the execution of condemnation, and realization the goals of the criminal punishment promotes to the improvement of convicted, warning of completion them and the other persons to the new crimes.

.....

Борчашвили И.Ш.

*главный научный сотрудник Института законодательства РК,
начальник кафедры уголовного процесса КЮИ МВД РК им. Бейсенова,
академик АЕН РК, д.ю.н., профессор*

ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

В ст. 1 Конституции РК провозглашено, что Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого является человек, его жизнь, права и свободы. Однако необходимо не только законодательное провозглашение и закрепление прав и свобод личности, но и их реальное обеспечение, что является основным показателем приоритетного направления развития демократического правового государства. Эти общечеловеческие ценности являются безусловными и определяющими для любой цивилизованной системы права. Но, как показывает практика, ни одно государство не в состоянии обеспечить надежную безопасность граждан только силами органов правопорядка, какими бы профессионально подготовленными они ни были. А.Ф. Кони писал, что «общественная власть, заметив где-нибудь угрожающую частному лицу опасность, должна стремиться предотвратить её. Но жизнь так разнообразна, а сфера действия общественной власти так обширна, что может случиться так, да довольно часто случается, что власть не может поспеть на помощь, на защиту данного лица, а между тем это лицо подвергается нападению, причем опасность может угрожать не только его имуществу, свободе, чести, здоровью, но даже самой жизни. Очевидно, что запретить здесь человеку защищаться своими личными средствами и силами нельзя. Следовательно, гражданин имеет право, в известных случаях, прибегать к собственным силам» [1, 205].

В борьбе с преступностью важное значение имеет неукоснительное использование уголовно-правовых средств и методов, среди которых особую роль, на наш взгляд, играет институт необходимой обороны.

В ст. 13 Конституции Республики Казахстан определяется, что «Каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми, не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону». Таким образом, институт необходимой обороны впервые получил статус конституционной нормы в Основном законе государства. В Уголовном кодек-

се РК необходимая оборона закреплена в ст. 32. В ней указано, что:

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности, жилища, собственности, земельного участка и других прав обороняющегося или иных лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

2. Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу, независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или государственным органам.

3. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях умышленного причинения вреда.

Не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия».

Институт необходимой обороны является одним из средств охраны прав и законных интересов личности, общества и государства. Он содействует предупреждению возможности совершения преступлений, помогает удерживать лиц, намеревающихся совершить преступление, от осуществления этого преступного намерения.

Необходимая оборона - субъективное право гражданина. Каждый гражданин общества имеет право защищать себя и других лиц от преступных посягательств со стороны правонарушителей и тем самым пресекать преступные деяния.

На гражданах не лежит обязанность осуществлять акт необходимой обороны. Закон не требует от граждан под угрозой наказания, чтобы они в обязательном порядке осуществляли принадлежащее им право на необходимую оборону. Лицо может, не прибегая к необходимой обороне, уклониться от предстоящего нападения, прибегнуть к помощи других лиц и тому подобное.

На определенной категории лиц лежит правовая обязанность обороняться от нападения. Например, часовой обязан оборонять вверенный ему объект от нападения и т. д. Отказ от обороны в этих случаях может содержать в себе состав конкретного преступления (ст. 377 УК РК «Нарушение уставных правил несения караульной (вахтенной) службы») либо дисциплинарный проступок.

Необходимая оборона признается правомерной при наличии ряда условий, которые делятся на две группы: первая относится к посягательству, вторая - к защите. И. С. Тишкевич считает деление условий правомерности оборонительных действий на две группы искусственным [2, 48], однако мы не разделяем такую точку зрения. По нашему мнению, такое разграничение помогает более полно уяснить особенности каждого условия.

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, должны быть следующими:

- 1) посягательство должно быть общественно опасным;
- 2) посягательство должно быть наличным;
- 3) посягательство должно быть действительным.

Общественная опасность посягательства определяется тем, что оно является таковым по своим объективным признакам. В правовом отношении посягательство чаще всего проявляется в преступлении. Преступление может состоять в покушении на убийство, причинении вреда здоровью, изнасиловании, грабеже, разбое. В юридической литературе высказано мнение, что неосторожное преступление «можно надежно остановить словом» [3, 304].

В то же время, не каждое умышленное преступление может служить основанием для применения необходимой обороны. Им не может быть такое умышленное преступление, которое немедленно и неотвратно влечет причинение вреда общественным отношениям. Например, при совершении экономической контрабанды (ст. 209 УК РК), даче заведомо ложных показаний (ст. 352 УК РК), обмане потребителей (ст. 223 УК РК) и т. д.

По форме деяния посягательство при необходимой обороне должно состоять только в совершении

действий. Однако проведенное нами исследование показало, что в юридической литературе вызывает спор вопрос, возможна ли необходимая оборона от общественно опасного посягательства, выраженного в бездействии. И.И. Слуцкий считал, что она возможна, полагая, что «преступное посягательство как источник опасности при необходимой обороне может выразиться не только в действии, но и бездействии» [4, 22]. В.И. Ткаченко же выделяет оборону от бездействия в самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, - принуждение к действию для выполнения правовой обязанности [5, 11].

Представляется более обоснованной позиция К.Х. Халикова [6] и Н. Н. Турецкого [7], считающих, что бездействие не является посягательством в смысле неопределенного основания необходимой обороны. Следовательно, необходимая оборона невозможна против общественно опасного посягательства, совершенного путем бездействия.

В юридической литературе иногда ставится вопрос, возможна ли необходимая оборона против действий лиц, наделенных властными полномочиями? Общим правилом является то, что оборона недопустима против правомерных действий лиц, наделенных властными полномочиями, входящими в их компетенцию. Например, при задержании преступника, аресте. Ответственность за сопротивление представителю власти наступает, если оно имеет место при исполнении лицом, наделенным властными полномочиями, возложенных на него обязанностей. Это положение закона имеет существенное значение. Из него следует, что уголовно-правовой охране подлежит именно законная деятельность представителей власти.

При решении вопроса о возможности необходимой обороны против незаконных действий лиц, наделенных властными полномочиями, наблюдаются определенные разногласия. Так, А.А. Пионтковский считал, что «следует признать все же необходимым ограничить возможности обороны против незаконных действий должностных лиц. Их следует признать правомерными против действий должностных лиц, связанных с посягательством на личность потерпевшего. Иные незаконные действия должностных лиц могут быть обжалованы в установленном порядке, и едва ли обоснованно было бы в этих случаях оправдывать применение насилия в отношении должностного лица со ссылкой на состояние необходимой обороны» [8, 428].

Таким образом, он полагал, что необходимая оборона возможна против незаконных действий лиц, наделенных властными полномочиями, только при их посягательствах на личность потерпевшего.

В других случаях, по его мнению, необходимая оборона исключается. Мы не разделяем такую точку зрения, так как она не учитывает всех требований закона о необходимой обороне, и считаем, что необходимая оборона возможна против любых незаконных действий должностных лиц [9, 264].

Необходимая оборона допускается не только против преступлений, но и против общественно опасных действий со стороны невменяемых, а также лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Понятие и признаки невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, закреплены в ст. ст. 15, 16 УК РК.

Если со стороны невменяемого лица или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, происходит посягательство, то любое лицо имеет право обороняться от таких посягательств, и его действия признаются совершенными в состоянии необходимой обороны.

В постановлении Пленума Верховного суда РК «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан» от 23 декабря 1994 г. (с изм. от 20 декабря 1996 г.), указываются обстоятельства, когда необходимая оборона отсутствует. К ним относятся случаи, когда:

1) лицо причинило вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально и содержащих признаки преступного посягательства, но заведомо для обороняющегося являющихся малозначительными. К таким действиям можно отнести кражу малоценных предметов либо хищение подростками ягод и фруктов с огородов и садов;

2) лицо намеренно вызвало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения в дальнейшем противоправных действий (развязывание драки, учинение расправы, совершение акта мести и т.п.);

3) вред причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено и необходимость в применении средств защиты явно отпала, что было очевидным для обороняющегося.

Как требует высшая судебная инстанция нашего государства, ответственность за содеянное в таких случаях наступает на общих основаниях.

В теории уголовного права и судебной практике допускается необходимая оборона и против административных правонарушений. Это положение закреплено в ст. 38 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях.

Принципы применения необходимой обороны к административным проступкам аналогичные, что и при необходимой обороне по уголовному праву.

При применении необходимой обороны против

административных проступков необходимо иметь в виду, что административный проступок менее опасен, чем преступное посягательство, и поэтому интенсивность применения меры защиты от административного правонарушения должна быть гораздо ниже, чем при защите от преступных посягательств. Некоторые административные проступки имеют незначительную степень общественной опасности, поэтому при защите от них правомерность причинения вреда посягающему вообще исключается.

Наличность посягательства определяет пределы необходимой обороны во времени. В выше названном постановлении Пленума Верховного суда РК говорится, что наличность посягательства существует:

1) в самый момент общественно опасного посягательства;

2) при наличии реальной угрозы нападения;

3) когда защита последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент его окончания.

Против подготавливаемого или предполагаемого нападения оборона недопустима. Устройство охранных приспособлений, опасных для жизни, для предотвращения возможного посягательства не рассматривается как правомерное, поскольку в этом случае отсутствует наличность самого посягательства. Поэтому нельзя ссылаться на необходимую оборону при нанесении вреда жизни или здоровью человека, который проходил мимо дома, даже если бы было установлено, что он действительно находился там с преступными намерениями. В данном случае нельзя вести речь даже о превышении пределов необходимой обороны, так как отсутствует сам факт нападения.

Лицо не будет признаваться находящимся в состоянии необходимой обороны в том случае, когда оборонительные действия были направлены против уже оконченного нападения. Оконченным нападением признается такое нападение, которое явно прекратилось, не будучи доведенным до конца, или нападение, которое уже полностью осуществилось. Причинение вреда нападавшему после окончания нападения при определенных условиях можно рассматривать как превышение пределов необходимой обороны.

Однако состояние необходимой обороны не может считаться устраненным, когда акт защиты последовал непосредственно за актом хотя бы оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания посягательства.

Действительность посягательства определяется тем, что оно должно быть объективным, существующим в реальной действительности, а не в воображении субъекта. Необходимая оборона исключается против кажущегося, то есть реально не существующего посягательства, когда не было угрозы его совершения. Поэтому нельзя рассматривать как необходимую оборону лица, «защищающегося» против воображаемого несуществующего посягательства. В данном случае имеет место мнимая оборона, так как реального посягательства не было.

Мнимая оборона – это вид фактической ошибки, и вопрос об ответственности лица при мнимой обороне должен решаться по правилам такой ошибки на форму вины. Как указывается в постановлении Пленума Верховного суда РК «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан» от 23 декабря 1994 г. (с изм. от 20 декабря 1996 г.), следует различать состояние обороны от мнимой обороны, когда реальное общественно опасное посягательство отсутствовало, но обстановка происшествия давала основание обороняющемуся считать, что совершается общественно опасное посягательство и он ошибочно предполагал наличие такого посягательства. В этом случае применение средств защиты лицом, которое не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения, надлежит рассматривать как деяния, совершенные в состоянии необходимой обороны. Если же лицо причиняет вред, не осознавая мнимость посягательства, но по обстоятельствам дела должно было и могло это сознавать, действия такого лица подлежат квалификации по статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности.

Как считал Г.Ф. Поленов, «если лицо при мнимой обороне причинило потерпевшему вред, явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях реального посягательства, оно подлежит ответственности, как за превышение пределов необходимой обороны» [11, 92].

Например, будучи в нетрезвом состоянии, Д. около 12 часов ночи по ошибке влез через окно в дом С., полагая, что это дом его знакомой Ш. Хозяин дома С., также находившийся в нетрезвом состоянии, принял Д. за вора и стал его избивать, нанеся ему несколько ударов деревянной подставкой для цветов. Наносил он удары и тогда, когда потерпевший лежал на полу и уже не только физически не представлял угрозы, но даже не мог сопротивляться. В действиях С. суд усмотрел убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренное ст. 99 УК РК [5].

Условиями правомерности необходимой обороны, относящимися к защите, являются:

- 1) отражение нападения как на свои личные интересы, так и на общественные или государственные интересы;
- 2) причинение вреда только посягающему;
- 3) не превышение пределов необходимой обороны.

В соответствии с ч.2 ст. 32 УК РК все лица, независимо от наличия у них возможности спастись бегством или использовать иные способы избежать нападения, имеют право на применение **активных мер по защите от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему**. Выбор способа защиты при необходимой обороне осуществляется по воле обороняющегося.

Под защитой в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова понимается желание «охранить, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности». Защита должна быть активной, оборона путем бездействия представляется невозможной.

Необходимая оборона как активная форма пресечения и отражения посягательства не может быть сведена к простому противодействию путем отталкивания нападающего, парирования его ударов. Она может выражаться и в контрнаступлении на посягающего.

Вместе с тем оборона не может являться основанием для причинения чрезмерно тяжкого вреда нападающему, необходимость в котором не вызывается требованием защиты.

Пределы защиты определяются с точки зрения лица, осуществляющего право на необходимую оборону, т.е. теми мерами, той интенсивности, которую он считает необходимой для отражения данного общественно опасного посягательства. Это субъективное представление лица, действующего в состоянии необходимой обороны, должно быть непременно основано на фактической обстановке посягательства.

Например, в квартиру к одиноко проживающему гражданину А. постучались трое незнакомых мужчин, требуя открыть дверь. В целях самозащиты А. взял охотничье ружье, зарядил его и пошел в коридор. В это время неизвестные стали ломать дверь. На предупреждение со стороны А., что он откроет огонь, они не прореагировали и, наоборот, стали более настойчиво ломать дверь. А. произвел несколько выстрелов в сторону неизвестных и смертельно ранил всех трех нападавших.

В данном примере А. (обороняющийся) находился в собственной квартире, к нему, путем взлома двери, пытались проникнуть неизвестные. А., оценив обстановку как реальную угрозу жизни,

имуществу, для самообороны применил оружие, смертельно ранив посягающих. Суд обоснованно, на наш взгляд, квалифицировал действия А. как совершенные в состоянии необходимой обороны [12].

Под защитой интересов при необходимой обороне понимается круг ценностей, которые можно защищать путем необходимой обороны. К ним относятся интересы личности, жилища, собственности, земельного участка и другие права обороняющегося.

Уголовный закон признает право необходимой обороны не только за тем, кто подвергается нападению, но и за всяким третьим лицом, явившимся свидетелем непосредственного преступного посягательства на личность или имущество отдельных граждан, на интересы власти, собственность. При этом получать согласие от потерпевшего на такую защиту не требуется.

Следующим условием необходимой обороны, относящимся к защите, как было указано выше, является то, что **защита должна осуществляться путем причинения вреда только посягающему.**

Однако при осуществлении акта необходимой обороны законодатель не требует, чтобы в результате защиты вред был причинен непосредственно личности нападающего. По нашему мнению, вред может быть причинен и его имущественным интересам.

Защита от посягательства при осуществлении акта необходимой обороны может выражаться в разнообразных формах причинения вреда нападающему: в лишении жизни; причинении тяжкого, легкого вреда здоровью, а также вреда здоровью средней тяжести; нанесении ударов; лишении свободы; в уничтожении, повреждении, отобрании имущества, с помощью которого происходит преступное посягательство на потерпевшего; в повреждении имущества (например, одежды), которое было связано с причинением вреда нападающему и другими последствиями.

Например, пьяный П. стал избивать свою жену С., затем придавил ее к перилам крыльца и начал душить путем сдавливания шеи. Защищаясь, С. кухонным ножом, которым чистила картошку, нанесла мужу смертельное ранение. Ее действия суд обоснованно признал совершенными в пределах необходимой обороны [13].

Обычно осуществление необходимой обороны непосредственно связано с причинением того или иного вреда личности нападающего. При этом степень вреда устанавливается в каждом конкретном случае в соответствии с характером и степенью опасности посягательства. Защита, как указывает

закон, должна соответствовать характеру и степени опасности посягательства.

Таким образом, основное правило при необходимой обороне - причинение вреда - не должно быть направлено против третьих лиц. Защита каких-либо интересов путем причинения вреда не нападающему, а третьим лицам не является актом необходимой обороны. В данном случае, с учетом обстоятельств дела, могут быть применимы правила о крайней необходимости.

К условиям необходимой обороны относится также то, что **защита не должна превышать пределов необходимой обороны.**

Превышением пределов необходимой обороны Уголовным законодательством признается «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность лишь в случае умышленного причинения вреда» (ч. 3 ст. 32 УК РК). В тоже время следует указать, что в данную норму было внесено дополнение Законом РК «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РК» от 21 декабря 2002 г., в соответствии с которым «не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия».

В случае, когда обороняющийся прибегнул к защите такими средствами и мерами, применение которых не вызывалось ни характером, ни степенью опасности посягательства, ни реальной обстановкой, и без надобности причинил посягающему тяжкий вред, явно не вызываемый необходимостью предотвращения или пресечения посягательства, налицо превышение пределов необходимой обороны.

В приведенном выше постановлении Пленума Верховного Суда РК указывается, что, решая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, необходимо учитывать не только соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей оборонявшемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, а также все иные обстоятельства, которые могли повлиять на соотношение сил посягавшего и защищавшегося (количество посягавших и оборонявшихся, их физическое развитие, возраст, наличие оружия, время и место посягательства и т. п.). При совершении посягательства группой лиц обороняющийся вправе

ве применить к любому из них такие меры защиты, которые обусловлены опасностью и характером действий всей группы.

Превышение пределов необходимой обороны нельзя сводить к явному несоответствию орудий, средств защиты и орудий, средств посягательства. Главное не в том, какие орудия и средства использует защищающийся, а в том, для причинения какого вреда они используются, насколько они достаточны для отражения посягательства.

При выяснении вопроса о превышении пределов необходимой обороны необходимо учитывать и соразмерность между вредом, причиненным посягающим, и характером опасности посягательства.

Например, пьяный Б. пришел к К. домой и учинил ссору. Однако К. удалось выпроводить Б. Тот, призвав на помощь брата, вновь пришел в дом К. и стал вызывать его на улицу. Боясь расправы над мужем, жена К. и их знакомая З. потребовали от братьев покинуть дом. Однако Б. применил к жене К. насилие, схватил ее за шею и ударил по голове. В ответ на это К. дважды выстрелил в братьев из ружья, убив одного из них и причинив тяжкий вред здоровью другого.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что К. не находился в состоянии необходимой обороны и квалифицировал его действия как покушение на убийство двух и более лиц (ч. 3 ст. 24 и п. «е» ч. 2 ст. 96 УК РК). Судебная коллегия указала, что суд не учел того, что К. правомерно защищал от нападения свою семью, но при этом превысил пределы необходимой обороны. Таким образом, действия К. обоснованно были квалифицированы по ст. 99 УК РК.

Превышение пределов необходимой обороны является общественно опасным действием и поэтому включает в себе состав преступления, предусмотренный ст. ст. 99, 109 УК РК. Однако совершение преступления в условиях превышения необходимой обороны - деяние относительно менее опасное, чем причинение того же вреда при отсутствии этих условий. В ст. 53 УК РК указывается в качестве смягчающего уголовную ответственность обстоятельства то, что преступление было совершено при нарушении условий правомерности необходимой обороны.

Оборона считается своевременной, если она осуществлена в пределах того времени, которое занимало посягательство, т.е. с начала общественно опасного действия, которым в умышленных преступлениях является покушение, до его фактического окончания. Продолжение оборонительных действий после окончания посягательства будет

запоздалой обороной, которая исключает преступность деяния.

Установление явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства, как требует того ст. 32 УК РК, связано с внимательным изучением всех конкретных условий, в которых осуществляется акт необходимой обороны. При этом следует учесть степень опасности нападения, близость его осуществления, силу и стремительность, характер тех средств, которые избрал нападающий, и тому подобное. При определении степени опасности нападения существенное значение имеет и сам объект посягательства.

Для определения степени интенсивности нападения существенное значение имеют средства нападения и способ, каким оно осуществляется. Например, разбойное нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, является более интенсивным, чем открытое хищение имущества без насилия над личностью. Однако при определенных условиях и невооруженное нападение (когда нападающий душит потерпевшего) по своей интенсивности может не уступать вооруженному.

В постановлении Пленума Верховного Суда РК «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан» от 23 декабря 1994 г., говорится: «следует иметь в виду, что в состоянии душевного волнения, вызванного посягательством, обороняющийся не всегда может точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, поэтому переход оружия или других предметов, использованных при нападении, от посягавшего к оборонявшемуся, причинение посягавшему большего вреда, чем предотвращенный вред либо достаточный для отражения нападения, сами по себе не могут свидетельствовать о превышении пределов необходимой обороны, если при этом не было допущено явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства».

В уголовно-правовой литературе учеными юристами при раскрытии понятия «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства» были высказаны различные точки зрения. Так, на основе изучения ошибок судебной практики, Я. Нарин предлагает раскрыть содержание термина «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства», предусмотренное ч. 3 ст. 32 УК РК, включив в него силы, средства, возможности, пол, возраст обороняющегося, стремительность, интенсивность, продолжительность агрессивного

поведения, количество нападающих, место, время и тому подобные объективные факторы [14, 5].

А.Н. Попов считает, что превышением пределов необходимой обороны будет умышленное причинение посягающему смерти или тяжкого вреда здоровью при защите от общественно опасного посягательства..., если можно было пресечь посягательство иным способом. [15, 27-28].

Мы не разделяем позиции указанных авторов: во-первых, невозможно в одной статье отразить все способы, раскрывающие содержание превышения пределов необходимой обороны; во-вторых, согласие с позицией А.Н. Попова, приведет к ограничению права граждан на активную борьбу с преступлениями, более того оно противоречит закону (ч. 2 ст. 32 УК), в котором прямо указано, что право на необходимую оборону «принадлежит лицу, независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или государственным органам».

По нашему мнению, в перспективе мы должны будем отказаться от института «превышения пределов необходимой обороны», что приведет к исключению из УК РК ст.ст. 99, 109, устанавливающих уголовную ответственность за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

В пользу нашей позиции говорит и введение в УК РК ст. 66, допускающей возможность освобождения лиц от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны, если оно связано со страхом, испугом или замешательством.

Надо полагать, что лицо, оказавшись в состоянии необходимой обороны, действует при одном из обстоятельств, указанных выше, либо при их совокупности. Следовательно, каких-либо препятствий для исключения института «превышения пределов необходимой обороны» из УК РК нет. Мы должны понять - необходимая оборона либо есть, либо ее нет. Третьего не дано.

Инициатором нападения является не обороняющееся лицо, а посягающее, которое должно получить реальный отпор. Именно посягающий должен нести риск возможного причинения любого вреда, а не защищающийся быть жертвой преступления и, более того, без своей инициативы оказаться в роли преступника.

Снятие правовых запретов за превышение пределов необходимой обороны, по нашему мнению, будет действенной мерой в борьбе с преступностью. Возможно, сегодня законодатель и общественное мнение не готово к такому радикальному изменению института необходимой обороны и это вопрос будущего. Но не видеть сегодня того, что институт

необходимой обороны нуждается в совершенствовании нельзя.

Совершенствование института необходимой обороны представляется ее в следующем направлении:

Во-первых, в ст. 32 УК РК не дается понятия необходимой обороны, что, на мой взгляд, является пробелом в законодательстве. Вряд ли можно признать оправданным то, что законодатель правомерность института необходимой обороны связывает с превышением ее пределов. В ч. 1 ст. 32 УК РК следует определить понятие необходимой обороны, не связывая его с превышением ее пределов. Необходимая оборона должна быть правомерной во всех случаях причинения вреда посягающему (вплоть до лишения жизни), если посягательство являлось опасным для жизни как обороняющегося, так и других лиц.

В этой связи абзац второй ч. 3 ст. 32 УК РК, где речь идет о том, что «не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия», характеризует правовую сущность необходимой обороны.

Во-вторых, как совершенные в состоянии необходимой обороны следует рассматривать и такие случаи, когда есть реальная угроза нападения, т.е. когда посягательство как таковое не началось, но условия и обстановка сложились таким образом, что налицо вероятность непосредственного посягательства, что должно получить, как нам представляется, законодательное закрепление в ч. 1 ст. 32 УК РК. Наша позиция согласуется с п. 21 постановления Пленума Верховного суда РК от 23.12.1994 года «О применении судами законодательства, регламентирующего ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан», который гласит: «состояние необходимой обороны возникает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения...»

В-третьих, как совершенные в состоянии необходимой обороны следует рассматривать действия обороняющегося лица, в случае, если оно не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения вследствие неожиданности (например, ночью на лицо нападает неизвестный мужчина, внезапно выскочивший из-за угла). В таких случаях обороняющийся не может правильно оценить цель посягательства, что также должно получить отражение в ч. 1 ст. 32 УК РК.

В-четвертых, исходя из того, что субъективным признаком необходимой обороны является цель защиты законных интересов от общественно опасного посягательства, представляется целесообразным, с точки зрения законодательной техники, замена слов «при защите» на слова «с целью защиты».

В-пятых, с точки зрения законодательной техники, представляется не совсем удачной позиция законодателя, перечислившего в ч. 1 ст. 32 УК РК объекты уголовно-правовой охраны «при защите личности, жилища, собственности, земельного участка и других прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства». Логичнее было бы говорить: «с целью защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства».

Исходя из вышесказанного, предлагается ч. 1 ст. 32 УК РК изложить в следующей редакции:

«Необходимой обороной признается противодействие обороняющегося лица с целью защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной или реальной угрозой такого насилия, а также, если лицо, вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения путем причинения нападающему вреда».

На наш взгляд, если защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также, если лицо вследствие неожиданности посягательства могло объективно оценить степень и характер опасности нападения, то необходимая оборона является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно несоответ-

ствующих характеру и степени общественной опасности посягательства, что должно получить законодательное отражение в ч. 2 ст. 32 УК РК.

Часть 2 ст. 32 УК РК считать ч. 3 ст. 32 УК РК.

«Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу, независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или государственным органам».

1. Кеня А.Ф. О праве необходимой обороны. - М.: 1865.
2. Падваев И.С. Условия и пределы необходимой обороны. - М.: 1869.
3. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для вузов. - Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996.
4. Сидук И. И. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. - Т.: 1958.
5. Падваев В.И. Необходимая оборона по советскому уголовному праву. - М.: 1979.
6. Хасанов К.Х. Об условиях правомерности необходимой обороны. Известия АН КазССР - 1968 - № 6.
7. Гуреев П.Н. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. - Алматы: 2005.
8. Понтомаскин А.А. Учение о преступлениях. - М.: 1961.
9. Парин Я. Проблемы необходимой обороны против противоправных действий должностного лица. Актуальные проблемы правовой реформы в РК. Материалы республиканской конф. (КазРЮИ) - Алматы, 1995.
10. Жуңсов Б.Ж. Уголовное право Республики Казахстан (Общая часть). Учебник. - Караганда: КТЮИ КТЮ РК, 1998.
11. Целепов Г.Ф. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. - Алматы, 1997.
12. Архив Казыбек-бийского судебного участка. № 1 в Казыбек-бийском уголовном деле № 1-237 от 2003 г.
13. Архив Октябрьского районного суда г. Караганды, уголовное дело № 3-121 от 2001 г.
14. Парин Я. Необходимая оборона по уголовному праву РК. - Алматы, 1999.
15. Попов А.Н. Обстоятельства, исключющие преступность деяния СПб. - 1998 с. 27-28.

Салимгерей А.А.
заместитель директора Института государства и права
КазГЮУ, к.ю.н., доцент

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА «О РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН»

В Республике Казахстан основу рыбного хозяйства составляет рыбохозяйственный фонд водоемов, в состав которого входят прибрежная акватория Каспийского и Аральского морей, Балхаш-Илийский рыбопромысловый бассейн, Бухтарминское, Капчагайское, Шардаринское водохранилища, Алакольская система озер и другие водоемы общей площадью 3 млн. га.

До 1991 г. рыбное хозяйство в Республике Казахстан являлось комплексным сектором экономики, включающим широкий спектр видов деятельности. Однако, как отмечается в Программе развития рыбного хозяйства Республики Казахстан на 2004-2006 годы, «При плановой экономике в Казахстане рыбное хозяйство было одной из высокоразвитых доходных отраслей народного хозяйства. В 1991 году объем вылова рыбы и производства рыбной продукции составлял свыше 80 тыс. тонн, в том числе прудовой - 8,8 тыс. тонн. Во всех областях были созданы рыбзаводы и рыбокомбинаты, а на Урало-Каспийском бассейне, озере Балхаш и Алакольской системе озер - производственные объединения»¹.

Приведенная таблица № 1, подготовленная Комитетом рыбного хозяйства Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан, наглядно демонстрирует снижение динамики улова рыб в рыбохозяйственных водоемах страны.

В числе основных причин спада общего объема улова рыбных ресурсов после распада СССР следу-

ет назвать утрату единой системы охраны, воспроизводства и использования рыбных ресурсов страны, сокращение финансирования рыбной отрасли, реорганизации всей системы государственных органов, задействованных в данном секторе экономики. Это негативным образом сказалось на общей популяции рыбных ресурсов, объеме их вылова. Практически перестало существовать целое направление рыбного хозяйства - товарное рыбоводство. Эти проблемы на локальном этапе сказались на обеспечении продовольственной безопасности населения страны, поскольку при рекомендованной Институтом питания Академии наук Республики Казахстан норме потребления рыбы на душу населения в 14 кг в год уровень среднеловового потребления снизился до 4,3 кг в год. Вследствие этого увеличился импорт рыбной продукции в Республику Казахстан.

Причем утрата единой системы охраны, воспроизводства и использования рыбных ресурсов наиболее губительным образом сказалась на состоянии запасов осетровых, где лов шипа практически утратил промышленное значение (см. таблицу № 2)².

Как известно, популяция осетровых видов рыб в акватории Каспийского моря составляет до 91% мирового генофонда этих древнейших видов рыб, основная часть которых нагуливается особенно в период размножения у побережья Казахстана. Они поистине являются национальным богатством Казахстана, однако его значение до сих пор недооце-

Таблица № 1

N п/п	Основные рыбохозяйственные водоемы	Годы (тыс. тонн)					
		1975	1980	1986	1990	1995	2000
1	Урало-Каспийский бассейн, всего, в т.ч. осетровые	59,4 8,2	50,3 8,1	39,3 5,9	43,8 1,9	26,7 0,57	21,6 0,25
2	Балхаш-Илийский бассейн	12,6	12,4	11,8	11,0	6,6	3,3
3	Капчагайское водохранилище	0,6	0,8	1,3	1,1	0,54	0,7
4	Алакольская группа озер	4,7	3,0	2,5	2,1	1,4	0,9
5	Бухтарминское водохранилище	12,7	8,5	7,5	7,9	6,0	9,3
6	Шульбинское водохранилище	-	-	0,01	0,01	0,06	0,15
7	Шардаринское водохранилище	1,8	1,7	1,8	2,5	1,6	0,36
8	Аральское море	8,2	9,0	8,6	0,2	-	0,3
Итого		100,0	85,7	72,8	68,6	42,8	36,7

нивается в республике. Между тем данный фактор может играть важную роль в экономическом развитии страны.

В соответствии с научными данными, с 1985 г запасы осетровых на Каспии снизились с почти 30000 тонн до менее чем 2000 тонн. Все ученые считают, что основными причинами спада численности являются нелегальный промысел и отсутствие эффективного правового регулирования деятельности в сфере управления осетровыми видами.

Нужно выработать единую государственную политику в данной сфере.

В настоящее время общественные отношения по использованию и охране рыбных запасов регулируются в соответствии с Законом Республики Казахстан от 21 октября 1993 года «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира». Правилами рыболовства и добывания других водных животных в Республике Казахстан, утвержденными постановлением Правительства Республики Казах-

Таблица № 2

Динамика вылова осетровых в р. Урал, тыс. т.

Годы	Севрюга	Осетр	Белуга	Шип
1983	6,02	0,04	0,47	0,12
1984	5,78	0,03	0,40	0,20
1985	5,22	0,04	0,64	0,09
1986	4,87	0,05	0,57	0,15
1987	3,50	0,05	0,53	0,22
1988	2,59	0,07	0,48	0,30
1989	1,72	0,11	0,40	0,37
1990	1,50	0,12	0,31	0,41
1991	1,31	0,15	0,29	0,14
1992	1,00	0,19	0,28	0,20
1993	0,55	0,11	0,39	0,06
1994	0,28	0,05	0,13	0,03
1995	0,20	0,05	0,31	0,02
1996	0,17	0,04	0,11	0,03
1997	0,23	0,04	0,09	0,03
1998	0,24	0,10	0,09	0,06
1999	0,15	0,04	0,06	0,03
2000	0,13	0,05	0,11	0,03

В настоящее время в Мажлисе Парламента Республики Казахстан находится проект Закона Республики Казахстан «Об охране, воспроизводстве и использовании осетровых видов рыб». Данный проект закона призван обеспечить охрану и рациональное использование этих ценнейших видов рыб. Поэтому актуальность и своевременность принятия Закона Республики Казахстан «Об охране, воспроизводстве и использовании осетровых видов рыб» не может вызывать сомнений. Принятие этого закона Республики Казахстан непременно окажет положительное воздействие на процесс популяции осетровых видов рыб, позволит упорядочить процесс, связанный с рациональным использованием и освоением данных видов рыб. Это непременно должно отразиться на социально-экономической ситуации в Западно-Казахстанской области, где определенная часть населения задействована в данном процессе.

Кроме того, принятие данного законопроекта вызывает необходимость принятия Закона «О рыбном хозяйстве в Республике Казахстан». Как известно, в Республике Казахстан нет специального закона, которым можно было бы руководствоваться при управлении рыбным хозяйством в целом и опреде-

стан от 4 декабря 1996 года № 1480, Правилами закрепления, использования и охраны рыбохозяйственных водосмов, утвержденными постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан от 5 апреля 1995 года № 414 и другими нормативными правовыми актами.

Причем в новом законе, который должен стать основным нормативным актом в сфере рыболовства, должны быть четко предусмотрены компетенция и полномочия государственных органов в сфере управления рыбными ресурсами. Кроме того, новый закон должен четко регулировать такие вопросы, как порядок выдачи лицензий на рыбохозяйственную деятельность, распределение лимитов, правила рыболовства, основания прекращения права пользования, экономическое стимулирование, механизм ответственности за нарушение рыбохозяйственной деятельности и другие вопросы.

В то же время следует иметь в виду, что принятие внутреннего нормативного правового акта не может быть полным решением проблемы, поскольку оно во многом зависит от заключения межгосударственного договора между прикаспийскими государствами по биологическим ресурсам моря.

Как известно, самый основной рыбохозяйственный бассейн страны – Урало-Каспийский, на долю которого приходится примерно 40% всего улова Казахстана, является объектом межгосударственного спора Республики Казахстан с другими прикаспийскими странами. Речь в данном случае идет о прибрежной водной акватории Каспийского моря. Например, в Соглашении между Республикой Казахстан и Российской Федерацией «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» от 6 июля 1998 г. в статье 1 стороны определили, что дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, **согласованных норм рыболовства** и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договоренности сторон. К этому следует добавить, что Исламская Республика Иран не признает юридическую силу данного соглашения, поскольку оно было заключено на двусторонней основе без согласия других прикаспийских государств.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что без учета проблемы определения правового режима рыболовства в акватории Каспийского моря нельзя решить в комплексном виде вопросы устойчивого управления рыбным хозяйством страны.

Таким образом, анализ современного состояния рыбного хозяйства Республики Казахстан позволяет определить следующие основные проблемы, препятствующие его эффективному развитию:

- рост масштабов браконьерства в рыбохозяйственных водоемах;
- отсутствие эффективной нормативной правовой базы на международно-правовом и внутригосударственном уровне;
- высокий уровень физического износа и прогрессирующее моральное старение основных средств;
- отсутствие комплексного подхода по государственному управлению в развитии рыбного хозяйства Республики Казахстан и др.

Согласно Государственной программе развития рыбного хозяйства Республики Казахстан на 2004-2006 годы предусмотрено развитие рыбного хозяйства, создание условий для сохранения ценных видов рыб и рациональное использование рыбных запасов. При этом поставлены задачи:

- усовершенствование нормативной правовой базы для эффективного развития рыбного хозяйства в современных условиях;
- увеличения рыбных ресурсов в рыбохозяйственных водоемах Республики Казахстан;
- увеличение объемов добычи рыбы в рыбохозяйственных водоемах Республики Казахстан с 36,1 тыс. тонн в 1998-2001 годах до 51,7 тыс. тонн в 2006 году;

- создания эффективной системы государственного управления рыбной отраслью.

В период 2004-2006 годов Программа предусматривает увеличение объемов добычи основных промысловых видов рыб и принятие ряда неотложных мер по сохранению генофонда редких видов рыб, сохранению и устойчивому использованию рыбных ресурсов водоемов Республики Казахстан, созданию эффективной системы государственного управления рыбной отраслью, а также совершенствование нормативной правовой базы отрасли.

Безусловно, принятие государственной программы по развитию рыбного хозяйства Республики Казахстан является эффективной мерой по развитию рыбного хозяйства Республики Казахстан, поскольку позволит четко определить:

- конкретные цели, пути и механизмы их реализации;
- адресность мероприятий и заданий, сроки и последовательность их реализации, ориентацию деятельности исполнителей на достижение программных целей;
- достижение согласованности с другими программами;
- сбалансированность финансовых, трудовых и технических ресурсов и источников их обеспечения;
- создание необходимых условий для перехода рыбного хозяйства к рыночным механизмам управления;
- подготовить необходимую нормативно-правовую основу.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что развитие рыбного хозяйства в Республике Казахстан должно решаться в общем контексте социально-экономического развития Республики Казахстан с выделением основных этапов его развития.

Поэтому те задачи, которые определены в Программе, в полной мере могут быть решены только в условиях комплексного подхода к государственному управлению развитием рыбного хозяйства Республики Казахстан, создания эффективной системы управления отношений во всем рыбохозяйственном комплексе страны.

С этой целью необходимо принять Концепцию развития рыбного хозяйства Республики Казахстан до 2015 года, содержанием которой должны охватываться 3 этапа.

Первый этап (2007-2009 годы)

В данный период следует полностью завершить создание необходимой нормативной правовой базы по управлению рыбным хозяйством страны. Динамика развития переговорного процесса по режиму рыболовства позволяет с высокой долей уверенности предположить, что на данном этапе прикаспийские государства примут единое межгосударственное соглашение по рациональному использованию биологических ресурсов Каспийского моря, которое послужит основой для разработки внутриго-

сударственных правовых мер по вопросам рыбных ресурсов Урало-Каспийского бассейна. Так можно говорить потому, что проект Соглашения по биологическим ресурсам Каспийского моря на сегодняшний день является самым согласованным среди других международно-правовых актов прикаспийских государств. Помимо отмеченного, потребуется заключение пакета и других международных соглашений по использованию и охране трансграничных водных ресурсов.

Второй этап (2010-2012 годы).

В этот период должна произойти стабилизация развития рыбного хозяйства на основе достижений научно-технического прогресса, включая развитие высокотехнологичных производств. Должна быть, кроме этого, создана и развитая рыночная инфраструктура на основе интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Третий этап (2013-2015 годы).

На третьем этапе Республика Казахстан планирует войти в число 50 наиболее развитых государств мира. Следовательно, исходя из критериев развитых государств мира, в Республике Казахстан к данному периоду должны быть полностью созданы условия для устойчивого развития рыбного хозяйства государства. Послужаши в Послании Президента Республики Казахстан от 1 марта 2006 г. «Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира» отмечено, что

Казахстан находится на пороге «Нового рывка вперед в своем развитии». В пп. 1.1. данной стратегии также отмечено, что в Казахстане необходимо сделать ставку на создание и развитие производств, ориентированных на экспорт конечных продуктов; совместных предприятий в области нефтегазового, транспортного и других подотраслей машиностроения, металлургии, химии, агропромышленной сферы¹.

В заключение еще раз следует отметить, что критерии и темпы развития рыбного хозяйства Республики Казахстан до сих пор не оценено должным образом соответствующими официальными органами. Между тем это перспективная и приоритетная задача, от успеха реализации которой во многом зависит социально-экономическое развитие страны. Претворение в жизнь вышеназванной задачи требует формирования комплексного подхода к государственному управлению развитием данного сектора экономики.

¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2003 года № 1344 «Об утверждении Программы развития рыбного хозяйства Республики Казахстан на 2004-2006 годы» (с изменениями, внесенными по предложению Правительства РК от 03.12.04 г. № 1239).

² Состояние запасов промысловых объектов на Каспии и их использование. – Астана: КаспННПХ, 2001. С. 96. – 409 с.

³ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана (Астана, 1 марта 2006 года). Выделено автором.

Мақалада автор балық шаруашылығы туралы ҚР заңнамасының аспектілеріне талдау жүргізеді. Нормативтік құқықтық актілерді талдау негізінде автор «ҚР балық шаруашылығы туралы» ҚР Заңын қабылдау қажеттілігін негіздейді.

In the article the author analyzes some problem aspects of the legislation of the Republic of Kazakhstan on fishery. On the basis of analyze of normative legal acts' norms the author proves the necessity of adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Fishery of the Republic of Kazakhstan".

Проблемы развития государственного языка

Абдрахманова Н.А.

Преподаватель государственного языка Института законодательства РК,
учитель-методист высшей категории

МЕМЛЕКЕТТІК ТІЛДІ ОҚЫТУДАҒЫ ӘДІСТЕМЕЛІКТІҢ ТИІМДІЛІГІ

Қазақ тілін үйрету мәселесі қолға алынғалы бірнеше жылдың жүзі болса да, шындыққа келгенде көңілге алынғандай жүзеге асып жатыр деу артығырақ екенін мойындауға тиіспіз. Бастапқы жылдары көп қиындықтарды оқулықтың тапшылығымен байланыстырды, ал бұл мәселе шешілген кәзіргі кезде де көзделген мақсатымызға қол жеткізе алмауымыздың себебі неде? Осы сұраққа осы салалары өз тәжірибеміз бойынша жауап беріп көрелік. Мұның бұлай болуының бірнеше себебі бар.

Қандайда тілді үйрету сол халықтың пайдалануына жарайтын құралдармен іске асады. Үйретудің басты волеы оқулық десекте, тек осымен ғана нақтылау тағы да болмайды. Осыдан барып, бағдарламада бекітіп, оқулықта қамтылған теориялық тұжырымдар практикалық дағдыланудан өтіп жатса, оқушы қауымды жалықтырмас дәрежеде баяндалса, біраз іс тындырылды деп санауға болады.

Қазақ тілін өзге ұлт өкілдеріне үйретуді танымдық және тәрбиелік бағытта өрбіткен орынды. Қазақ тілі заңдылықтарымен толық қамтитын

оқулықтар өзге ұлт тыңдаушыларының қажеттігін қанағаттандыра алмауы мүмкін. Сондықтан да, қазіргі күні теориялық қағидаларға екпін түсіре бермей, күнделікті іс тәжірибесінде қолданылатын сөздік қорды байыту жолдарын іздестірген жөн.

Біріншіден, ғылым мен техника дамыған бүгінгі таңда тілге қойылатын талаптың да салмағы артып барады. Демек, тіл мүмкіндігі сол талаптарға жауап бере алуы тиіс. Өйтпейінше замана көшіне ілесе алмасы белгілі. Ал мұндай тілдің қолданыстан түсіп қалатындығы ешкімді тандандырмаса керек. Бұл әрине, біріншіден, терминдерге, сондай-ақ әр саланың өзінде қолданылатын сөздерге қатысты айтылып отыр. Қазіргі кезде мемлекеттік тілге деген талап, қазақша сойлеу, сойлеуменді әркімнің өз еркіне қалдырып, құжаттардың осы тілде толтырылуы тұрғысынан келіп отырғаны көпшілігімізге мәлім, негізгі қиындықтың бірі осы жерден туындайтын секілді. Себебі, бір мекеменің ішінде түрлі салалар бойынша іс қағаздар жүргізіледі, ал оқуға келгенде бір топтың ішінде әрқайсысынан мамандар болады. Оқытушының осы мамандардың бәріне қажетті материалдармен қамтамасыз етуге мүмкіндігі жете бермейді, өйткені қазіргі кезде заң саласы бойынша жекелеген сөздіктер жарық көргенімен оқулықтар тапшы.

Бүгінгі таңда мемлекеттік тілге деген талап күшейіп отыр дегенімізбен, оған қоңіл болу жағына босандық танытып жатқаны жасырын емес. Кез келген ресми құжат әуелі орыс тілінде дайындалады, кейін қазақшалаынады. Ал орыс тілі мен қазақ тілінің типологиясы болек болғандықтан, мәтіннің мазмұнын беру жағына келгенде аударманың үнемі дәл берілуі мүмкін емес, осы жерде бар салмақ аудармашыларға түседі, бар қиыншылықты аудармашыға жүктеп қоюмен мемлекеттік тілдің мәселесі шешіледі деу қисынсыз екені тағы рас. Мемлекеттік тілдің өркендеуіне, қолданысқа дендеп енуіне кедергі келтіретін осындай себептерден бүгінгі таңда шығудың қандай жолдары бар? Тіл үйретуші әр ұстаздың мақсаты ана тілінің күдіретін, қасиетін айқындай аша отырып, тіл үйренушінің ойлау қабілетін біртіндеп қазақыландыру, сойлесуге үйрету, сойлеу дағдысын қалыптастыру, тіл мәдениетін көтеру. Тіл үйретуші ұстаз қазақ тілімен қатар орыс тілін жетік меңгергені жөн. Сөздердің грамматикалық құрылымын сауатты талдап, тыңдаушының ойындағы орысша қалыптасқан сөздерді сабақ оту барысында, орысшадан қазақшаға, қазақшадан орысшаға аударып отырып, оның жазылуына, айтылуына ерекше қоңіл боліп, бірнеше рет қайталап, сөздерді талдау барысында тыңдаушының бойынан қызығушылық байқағанда, сұрақтар туындағанда ғана нағыз ұстаз әзінің мақсатына жетеді.

Тыңдаушыларға бағдарлама бойынша беріліп отырған тапсырма тыңдаушының қабылдау, ба-

яндау дәрежесін тексеруге қолайлы болуы тиіс. әр тыңдаушыға жеке бақылау парағы белгіленеді де, оның түрлі тақырыпқа қатысты меңгеру бейімділігі бақыланады. Бұл оның жіберген қатесін қайталамауға септігін тигізеді. Тіпті, осы тұрғыда әр тыңдаушының нақты тақырыптарға қатысты тілдің минимумдарын анықтауға болады. Нәтижесінде, тыңдаушы лексикалық минимумдарын байытып, оларды байымдау қызметіне пайдалана бастайды. Демек, тыңдаушыңыз сойлеуге келеді. Ал сойлеу түрлі грамматикалық ережелерді меңгергенде ғана іске асады. Оқулықта тапсырма бойынша “переведите, вместо точек напишите нужное окончание” (26-бет), “Переведите, напишите личное окончания” (27-бет), “Переведите данные слова и составьте с ними предложения” (62-бет) т.с.с.

Лексикалық минимум ретінде берілген “ауа райы” тақырыбындағы тапсырмаларға қоңіл боліп корейік. Жаңа сөздер саны 60-тан астам. Бұл, әрине, жүргізуші шеберлігі мен тыңдаушының қабылдау қабілетіне қарай іске аса алады. Тағы бір ескеретін жай, қамтылған сөздер әр түрлі сөз табына қатысты болып келген, демек, тыңдаушының меңгеруіндегі сөздік қор 60 қана сөзден тұрмайды. Тек әдіскер маман ең қажетті деген сөздер тобына иек артады.

Фонетикалық минимум үш тапсырманы қамтыған. Мұнда тыңдаушы танымдық мәтіндегі мақал-мәтелдерді есіне түсіре отырып, жіңішке буынды, я жуан буынды (найдите мягкий вариант, подчеркните одной чертой; твердый вариант – двумя черточками) сөздерді іздестіреді. Енді бірде берілген сөздерді қазақшаға аударып отырып, көптік мағына берудің тәсілдерін табуы қажет. Бұл фонетиканы ғана меңгеру емес, грамматикалық минимумды қабылдауға да тоселгендік.

Әдіскер маман тыңдаушының сойлесу қабілетін тексеру үшін диалогтік және мәтіндік тапсырмаларға сүйенеді де, дұрыс жазуын қадағалауға жатпазу жүргізуді қалайды. Бұл келесі кезекте бақылау-тексеру жұмыстарымен алмасады.

Үш деңгейдегі білім негіздері өз дәрежесінде откізілгеннен кейін “рейтинг-тест” парағы қабылданады. “Рейтинг-тест” парағында тыңдаушының сабаққа қатысуы, грамматикалық, лексикалық, фонетикалық минимумдерді меңгеруі, іс қағаздарын жүргізу дағдысы бағаланады. Қорытынды жалпы баға санымен жинақталады.

Қазақ тілі – бұл халқымыздың ұлттық тілі және әлемдегі ең бай тіл деп саналады. Халқымыз өзінің әлеуметтік өмірін, ой-пікірін, сезімі мен үмітін, қаһары мен ғаламат келешегін икемдеп, еңбек және әдебиет қаруын мыңдаған жылдар бойы қалыптастырып құрған. Қазақ тілінде ұлы Абай ақынның мәңгілік шығармалары жазылған, осы

тілмен аударма арқылы Пушкин, Лермонтовтар қазақ жұртына кеңінен тарағандық баршаымыз аян. Ешбір халықта жоқ ұлттық "айтис" өнері ана

тіліміздің қасиеттілігін көрсететін өнер емес пе? Тіл қарым – ой. Ой қарым – сөз. Ақылды ой, алғыр сөз адамгершіліктің ең жоғарғы қасиеті

В настоящее время в связи с ростом требований к знанию государственного языка в каждом учреждении функционируют курсы по обучению казахского языка. В своей статье автор излагает методику эффективного обучения государственному языку.

At present in connection with growing of the requirements of knowledge of the state language in each institution functioning the courses on learning the kazakh language. In this article author consider about methods of the efficient education of the state language

Анализ действующего законодательства

Нарынцев С.К.

*ведущий научный сотрудник Института законодательства РК,
к.ю.н., доцент*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО ЗАКОНУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОТ 9 ИЮЛЯ 2004 ГОДА «ОБ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ»

Наименование Закона резко диссоциирует с содержанием, где указано, что закон регулирует общественные отношения не только в области электроснабжения, но и теплоснабжения. Очевидно, что это разные виды энергии. Поэтому в статье 1, содержащей определения понятий, предлагается дополнить понятие «электроэнергетика», дополнив его связью указанных двух видов энергии между собой. Представляется, что здесь необходимо воспользоваться помощью специалистов в соответствующей сфере. В Российской Федерации такой закон имеет аналогичное наименование, но логика российского закона заключается в том, что в нем определения терминов расположены в ст. 3 не в алфавитном порядке, а по их значимости. В соответствии с этим вначале первым помещено определение термина «электроэнергетика», под которой имеется в виду «отрасль экономики Российской Федерации, включающая в себя комплекс экономических отношений, возникающих в процессе производства (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии), передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике, сбыта и потребления электрической энергии с использованием производственных и иных имущественных объектов (в том числе входящих в Единую энергетическую систему России), принадлежащих на праве собственности или на ином предусмотренном федеральными законами основании субъектам электроэнергетики или иным лицам. Электроэнергетика является основой функционирования экономики и жизнеобеспечения».

Одним из основных институтов сферы электроэнергетики является договор энергоснабжения. В соответствии со статьей 482 Гражданского кодекса

Республики Казахстан договор энергоснабжения – это правоотношение, по которому одно лицо – энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Из данного определения следует очевидный вывод о том, что договор энергоснабжения имеет специфические особенности, которых нет у основной массы гражданско-правовых договоров, в том числе и у договора купли-продажи.

Термин «договор энергоснабжения» применяется как на розничном, так и на оптовом рынке энергоснабжения. Однако в Гражданском кодексе Республики Казахстан параграф 6 Главы 25, регулирующий отношения на розничном рынке, не содержит никаких сведений об этом. Напрашивается вывод о необходимости включения в данный параграф хотя бы отсылочной нормы о том, что общественные отношения в сфере оптового рынка энергоснабжения регулируются иными нормами ГК, законодательными и подзаконными актами РК, а не параграфом 6 главы 25.

Под обобщенным названием «договор энергоснабжения» в целях рассматриваемого Закона мы обозначаем совокупность договоров электроснабжения и теплоснабжения через присоединенную сеть. Законодатель также установил, что к отношениям по снабжению газом, водой, нефтепродуктами через присоединенную сеть применяются правила

о договоре энергоснабжения, если иное не предусмотрено законодательными актами, договором или не вытекает из существа обязательства (п. 2 ст. 492 ГК РК).

Закон четко закрепляет норму о публичности договора энергоснабжения (п. 2 ст. 482 ГК). В соответствии со статьей 387 Гражданского Кодекса Республики Казахстан (общая часть) публичным признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится. Организации энергоснабжения отнесены именно к таким коммерческим организациям. При необоснованном уклонении коммерческой организации от заключения договора применяются положения, предусмотренные пунктом 4 статьи 399 Гражданского Кодекса РК, а именно: другая сторона при этом вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. Энергоснабжающая/энергопередающая организация обязана возместить потребителю убытки, вызванные отказом заключить договор. Одной из целей ограничения свободы публичных договоров является защита слабой стороны, начиная со стадии заключения договора и заканчивая его исполнением и ответственностью за нарушение. То есть законодатель предоставляет определенные преимущества более слабой стороне. Целью его при этом является в целом защита действующего правопорядка. В этом, на наш взгляд, и должно выразиться назначение права как такового.

В случаях, предусмотренных законодательными актами, Правительство Республики Казахстан может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, правила, положения и т.п.). Условия публичного договора, не соответствующие указанным правилам, недействительны (п. 4 статьи 387 ГК РК). Однако важно учитывать, что правила о публичности договора также призваны защищать права потребителей, а не обеспечивать и без того монопольное положение снабжающей стороны, и должны трактоваться только в контексте защиты прав потребителей (абонентов).

В связи с этим следует отметить, что практически ни один НПА в рассматриваемой сфере не содержит ссылки на Закон «О защите прав потребителей».

Гражданский кодекс Республики Казахстан не содержит определение энергоснабжающей организации. В соответствии с пунктом 38 статьи 1 Закона «Об электроэнергетике» к энергоснабжающим организациям относятся организации, осуществляющие продажу потребителям произведенной и/или купленной электрической и (или) тепловой энергии.

Представляется, что энергоснабжающие организации – это не просто «организации», а именно

«коммерческие организации», более того, обязанные иметь лицензию на соответствующий вид деятельности, поэтому указанный пункт 38 полагаем необходимым дополнить указанными признаками, либо поместить такое определение в параграфе 6 Главы 25 ГК РК.

Один из немногих нормативных правовых актов, содержащих ссылки на возможность применения законодательства о защите прав потребителей в рассматриваемой сфере – это Закон Республики Казахстан «О естественных монополиях» от 9.07.98 г., преамбула которого гласит, что данный Закон регулирует деятельность в сферах естественных монополий в Республике Казахстан и направлен на обеспечение защиты интересов потребителей и субъектов естественных монополий.

Статья 4 названного Закона относит к сферам естественных монополий в Республике Казахстан услуги (товары, работы):

3) по передаче и (или) распределению электрической энергии;

4) по производству, передаче, распределению и (или) снабжению тепловой энергией;

5) по технической диспетчеризации отпуска в сеть и потребления электрической энергии.

В связи с этим выявлены следующие противоречия в антимонопольном законодательстве и законодательстве, регламентирующем отношения в электроэнергетике. В частности, проблемы энергоснабжающих организаций, занимающих доминирующее положение на розничном рынке электрической энергии.

Так, Приказом министра энергетики и минеральных ресурсов РК от 10.09.2004 г. за № 212 на энергопроизводящие организации возложена обязанность по реализации 30% от объемов отпуска эл. энергии потребителям через централизованные торги. Процедура торгов регламентирована соответствующими Правилами Министерства энергетики. Субъекты оптового рынка, включенные в Реестр в соответствии со ст. 16 Закона РК «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» и постановлением Правительства РК № 1212, обязаны уведомлять антимонопольный орган о предстоящем повышении цены на монополичный товар и о причинах их повышения. Таким образом, налицо коллизия двух НПА – об электроэнергетике и о конкуренции. В связи с этим считаем, что Закон «О конкуренции...» необходимо дополнить нормой об освобождении субъектов, занимающих доминирующее положение, от соблюдения процедуры изменения цен при реализации товаров (эл. энергии) через централизованные торги.

Далее, отпускная цена на эл. энергию зависит от ряда «сквозных» составляющих, уровень которых имеет тенденцию периодически меняться (будь то стоимость закупаемой эл. энергии или затраты на ее транзит по сетям энергопередающих организаций, др. составляющие). После проведенной реоргани-

зации РЭКов выделенные энергоснабжающие организации являются гарантирующими поставщиками и, как следствие, занимают доминирующее положение на соответствующем рынке. Таким образом, сложилась ситуация, при которой гарантирующий поставщик должен согласовывать изменение уровня цены при изменении уровня тех затрат, которые складываются либо на централизованных торгах, либо утверждаются антимонопольными органами – на услуги субъектов естественной монополии либо по инициативе других контрагентов энергоснабжающей организации. При этом заявка о согласовании повышения цены подается за 30 дней до ее изменения. Таким образом, за указанный период разница в уровнях цен составляющих ложится на убытки энергоснабжающей организации, в связи с чем необходимо в п. 3 ст. 16 Закона РК «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» и в п.6 Правил введения государственного регулирования цен на товары (работы, услуги) субъектов рынка, занимающих доминирующее положение на товарном рынке, утвержденных постановлением Правительства 14.09.2001 г. за № 1212 внести изменения о необходимости согласования повышения не цены на монополично поставляемый товар, а торговой надбавки.

Конкурентные условия вынуждают энергоснабжающие организации искать пути привлечения клиентов, поэтому они предлагают законодательно наделить их возможностью предоставления скидок для некоторых категорий потребителей, для чего внести изменения в Закон РК «Об электроэнергетике» (ст. 18), Гражданский кодекс РК (ст. 387).

Возникла также необходимость создания единого регулятора для субъектов естественных монополий в лице Агентства РК по регулированию естественных монополий без территориальных департаментов, что исключит противоречивые решения, формальный подход, постатейное копание в заявках вместо оценки эффективности и качества, внедрения передового опыта, и максимального упрощения процедуры.

Но упразднение тер.комов и создание централизованного регулирующего органа должно быть осуществлено параллельно с разработкой недискриминационных передовых методик тарифообразования, что позволит исключить убытки субъектов естественных монополий. Следовательно, отпадает необходимость подачи заявок при каждом возможном случае. Если будет разработана долгосрочная тарифная методология, дающая возможность осуществления реальных проектов при повышении тарифов, повышения качества и эффективности, если не нужно будет ежемесячно и ежеквартально носить кипы информации, РЭКи вместо того, чтобы всем вместе прилагать усилия по выбиванию тарифов, займутся производственной деятельностью, а единый регулирующий орган вместе с КЭК, парал-

лельно работая, осуществляя мониторинг, будут способствовать развитию рынка.

Энергия как объект договора энергоснабжения является особым, своеобразным видом вещей, данное мнение является устоявшимся в науке гражданского права, что явилось основанием включения договора энергоснабжения в качестве вида договора купли-продажи (а не оказания услуг), поместив его в главу 25 ГК РК. Однако иные законодательные и подзаконные акты, а вслед за ними и субъекты данных договорных правоотношений именуют данный объект как «услуги», что по классификации имущества является неверным и противоречит структуре Гражданского кодекса. Так, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Казахстан «О естественных монополиях» от 8 июля 1998 года к монополично предоставляемым (продаваемым) товарам и услугам относятся *услуги* (так в законе) по электро-, газо-, теплоснабжению, *услуги* по снабжению водой питьевого качества и отводу сточных вод. Аналогично и в других НПА.

Энергоснабжающая организация именуется в нормативно-правовых актах также «Поставщиком» и «Услугодателем», что является не совсем корректным и требует внесения редакционных поправок в НПА.

Исходя из назначения договора энергоснабжения, энергоснабжающие и энергопередающие организации однозначно должны быть предпринимателями и нести все связанные с этим статусом риски. Однако НПА в рассматриваемой сфере (ст. 491 ГК РК, ст. 16 Закона «Об электроэнергетике») возлагают на энергоснабжающие организации в качестве мер ответственности возмещение только реального ущерба абонента. Тогда как упущенная выгода (неполученный доход) на практике оказывается во много крат выше реального ущерба.

Более того, если в результате регулирования режима потребления энергии, осуществленного на основании законодательства, допущен *перерыв в подаче* энергии абоненту, энергоснабжающая организация несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств при наличии ее вины (п. 2 ст. 491 ГК РК). Тем самым законодатель предусматривает возложение имущественной ответственности на энергоснабжающую/энергопередающую организацию только за виновное поведение (действие или бездействие). При этом не учитывается, что деятельность таких организаций относится к источнику повышенной опасности, сфера их деятельности – коммерческая, они являются субъектами естественной монополии, поэтому такое ограничение имущественной ответственности вряд ли оправданно. Перерыв в подаче электрической или тепловой энергии может повлечь катастрофические последствия для потребителей.

Пункт 1 статьи 483 ГК РК «Заключение и продление договора энергоснабжения» гласит:

1. Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него необходимого оборудования, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

В связи с изложенным встает вопрос о правовом положении трейдерных организаций в качестве энергоснабжающих организаций. Ведь указанная выше норма дает основание для вывода о том, что энергоснабжающая организация сама обязана иметь соответствующее оборудование и сети, к которым присоединяется потребитель. Иначе требование для абонента иметь сети, присоединенные к сетям снабжающей организации, является бессмысленным и неосуществимым. Если снабжающей стороной будет выступать трейдерная компания, то абонент присоединяется не к ее, а к чужим сетям, в частности, к сетям энергопроизводящей или энергопередающей организации. Здесь возникает проблема, требующая решения. То есть, либо следует внести изменения в указанную статью ГК РК, либо запретить организациям-перекупщикам, не имеющим своих собственных сетей и иных технических устройств, быть субъектами оптового и розничного рынков.

До 2004 года РЭКи, не желая утрачивать своего монопольного положения владельца передающих сетей, то есть энергопередающей организации, и одновременно статуса энергоснабжающей организации, развернули активную деятельность против появления на оптовом и розничном рынке трейдерных компаний, мотивируя указанным выше обстоятельством и иными причинами (до издания Правил ведения раздельного учета затрат в региональных электросетевых компаниях и энергопередающих организациях по видам деятельности и передачи бытовой деятельности энергоснабжающим организациям от 30 сентября 2004 г.). В современных условиях политика РЭКов изменилась. Теперь они согласны, что трейдеры могут быть энергоснабжающими организациями, но резко выступают против создания нескольких РЭКов на одной территории, в одном регионе.

В связи с этим они предлагают изложить пункт 18 статьи 1 Закона «Об электроэнергетике» в части определения термина «региональная электросетевая компания» в следующей редакции: «энергопередающая организация, *содержащая и эксплуатирующая* большую по протяженности часть электрической сети регионального уровня и осуществляющая функцию оператора розничного рынка субъектов, пользующихся ее сетями».

Если же изменения в Закон об этом уже приняты, то в связи с разрешением существования на одной территории более одной РЭК, предлагается дать определение «региональные электрические сети», дополнив ст. 1 Закона пунктом 18-1 следующего содержания:

Региональные электрические сети - сети напряжением 110 кВ и ниже, расположенные на территории административной области, связанные общей электрической схемой и присоединенные к национальной электрической сети и к энергопроизводящим организациям.

Кроме того, в НПА отсутствует понятие «Оператор розничного рынка электрической сети». Предлагается дополнить ст. 1 Закона пунктом 18-2) следующего содержания:

«Оператор розничного рынка электрической энергии – организация, осуществляющая коммерческую и техническую диспетчеризацию режимов производства и потребления электрической энергии, составляющая коммерческий баланс поставки и потребления электрической энергии на розничном рынке (это необходимо в целях приведения в соответствие с Правилами розничного рынка)»:

- в пункте 1 статьи 1 Закона изменить понятие «операционные сутки» следующим образом: операционные сутки – это текущие сутки, в течение которых оператор рынка электрической энергии осуществляет операции по оперативно-диспетчерскому управлению исполнением заключенных субъектами рынка электрической энергии договоров купли-продажи и передачи электрической энергии;

- в пункте 7 статьи 1 также исключить слова «системный оператор»;

- в пункте 19 статьи 1 Закона исключить слово «оптового»;

- пункт 29 ст. 1 Закона – суточный график утверждается оператором рынка электрической энергии (п.11), а не системным оператором, и не только в соответствии с договорами купли-продажи, но и договорами по передаче электроэнергии. Следовательно, требует внесения соответствующих изменений;

- из пункта 30 статьи 1 также предлагается исключить термин «системный оператор», заменив его на «оператора рынка».

В статью 9 Закона предлагается внести изменение следующего характера: поскольку «согласование» уже является уведомлением уполномоченного органа, то исключить слово «уведомления и» и заменить «системного оператора» на «оператора рынка» эл. энергии.

- Пункт 5 статьи 13 содержит общую формулировку «...несут взаимные обязательства за финансовое урегулирование...». В связи с чем предлагается дополнить ст. 13 пунктом 5-1 следующего содержания: «Энергопередающие организации обязаны оплачивать региональной электросетевой компании стоимость купленной РЭКом электроэнергии для компенсации потерь электроэнергии в сетях энергопередающей организации (издержки), определяемых в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан». В Законе не закреплена обязанность ЭПО компенсировать потери электроэнергии в своих сетях региональной электросетевой компании. Порядок расчета издер-

жек (потерь) определен в п. 53 Правил организации и функционирования розничного рынка.

- пункт 2 статьи 16 Закона изменить следующим образом: «Региональные электросетевые компании осуществляют функции передачи электрической энергии по электрическим сетям в границах ее балансовой принадлежности, а так же функции оператора розничного рынка электрической энергии». Основание: РЭК фактически выполняет эти функции.

- пункт 4 статьи 22 Закона направлен на сохранение важных для государства и общества объектов энерго- и теплоснабжения и содержит запрет на отчуждение таких объектов без согласия уполномоченного и антимонопольного органов. Однако имеется лазейка для их беспрепятственного отчуждения – это возможность подарить или обменять энергетические объекты. Поэтому представляется необходимым перечислить все сделки на отчуждение «купля-продажа, мена, дарение, рента (?)», а также передача в аренду или доверительное управление, либо назвать их «договорами на отчуждение» указанных объектов.

Особенностью договора энергоснабжения является то, что он не порождает обязанности покупателя (потребителя) принять обусловленное количество ресурсов. Пункт 2 ст. 484 ГК РК предусматривает для абонента право изменять количество принимаемой им энергии, определенное договором, при условии возмещения им расходов, понесенных энергоснабжающей организацией в связи с обеспечением подачи энергии не в обусловленном договором количестве.

Практика заключения и исполнения договоров показывает, что энергоснабжающие организации взимают с абонентов грабительские штрафы за невыборку договорной величины энергии. Для чего тогда нужен Закон «Об энергосбережении» и Государственная программа об этом? Следовательно, НПА должны содержать поощрительные меры за меры по энергосбережению, либо запрет на применение санкций.

Кроме того, в договорах часто встречается условие об ответственности абонента за потребление энергии сверх договорной величины, например, в виде уплаты пятикратного тарифа и введения различных ограничений. Хотя Гражданский кодекс РК (статьи 484, 485) предусматривает иной подход к регулированию правоотношений в таких случаях. Представляется, что энергоснабжающие организации в таких случаях должны не диктовать свои условия, а во исполнение нормативных принципов гражданского права и, исходя из толкования договора как соглашения равноправных участников, предъявить потребителям расчеты в обоснование сумм, подлежащих уплате за сверхлимитное количество потребленной энергии и ресурсов.

Поскольку случаи превышения потребителями договорных величин энергии на практике встречаются не так уж часто, это не будет обременением для снабжающих организаций и даст возможность абонентам получить необходимое им количество энергии за разумную плату.

Это мнение подтверждается и тем, что ответственность за нарушение условий договора энергоснабжения о количестве законодатель устанавливает только для энергоснабжающей организации.

Глава 4 Закона «Об электроэнергетике» названа «Организация энергоснабжения на основе функционирования рынка электрической энергии», в том числе статья 14 данной главы называется «Рынок электрической и тепловой энергии», а статья 15 – Оптовый рынок электрической энергии, статья 16 – Розничный рынок электрической энергии, статья 17 – Договоры на оптовом рынке электрической энергии, статья 18 – Договоры на розничном рынке электрической и тепловой энергии и т.д. Тем самым содержание главы 4 представляется шире по объему, чем наименование заголовка главы.

Требуют унификации определения одних и тех же понятий (терминов) в различных нормативных правовых актах, например, термин «национальная электрическая сеть» в разных НПА трактуется по-разному:

1) национальная электрическая сеть - совокупность линий электропередачи, подстанций и распределительных устройств напряжением 220, 500 и 1 150 кВ, обеспечивающих межгосударственную и (или) межрегиональную передачу электрической энергии, выдачу мощности электрических станций и не подлежащих приватизации и ее предварительным стадиям;

2) национальная электрическая сеть - совокупность линий электропередачи и подстанций, обеспечивающих межгосударственные и межрегиональные перетоки электрической энергии и мощности;

Термин «уполномоченный орган»:

1) уполномоченный орган - государственный орган, осуществляющий регулирование отношений, связанных с электроэнергетикой;

2) уполномоченный орган - государственный орган, осуществляющий контроль и регулирование в области электроэнергетики;

и т.п.

Анализ положений Закона Республики Казахстан «Об электроэнергетике» проведен по состоянию законодательства Республики Казахстан на 01.04.2006 г.

**Анализ положений
Закона Республики Казахстан
«Об электроэнергетике»
выполнен по заказу ТОО «Институт
законодательства Республики Казахстан»**